

**МОСКОВСКАЯ
СТЕНА**

пётр власов   ольга власова

Петр Власов
Московская стена

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Власов П. В.

Московская стена / П. В. Власов — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106021-3

Что будет, если очередной глобальный кризис разрушит привычный нам мир? Перед вами один из вариантов такого будущего. Россия, США и Китай распались на части. В единой Европе к власти пришли ультраправые, которые пытаются сдержать миллионные потоки мигрантов и обеспечить поставки нефти и газа из погрузившейся в хаос России. Это новое Средневековье. Неудивительно, что Москва, ставшая базой для европейской армии, обнесена тридцатиметровой стеной, а подмосковные леса полны партизан. Главный герой, англичанин с русскими корнями, отправляется туда в командировку, но ему предстоит решить куда более сложные задачи, чем ставит перед ним начальство. Удастся ли герою понять и прочувствовать русский образ мысли и заодно разобраться, почему как карточный домик развалился прежний мир?

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-04-106021-3

© Власов П. В., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Пётр Васильевич Власов, Ольга Александровна Власова Московская стена

Все совпадения с реальными людьми, событиями и обстоятельствами случайны.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Власов П., Власова О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

1

«Обезьяны видели нас. Могут навести на след. Хотел заговорить с ними. Сказать, чтобы молчали. Не вышло. Забыл слова. Садовник не предупреждал об этом. Решения пока нет. Сначала надо выбраться из Сада. Теперь, из-за обезьян, мы будем хитрее. Дождемся темноты, чтобы идти к реке. До того спрячемся в лабиринте. Там можно укрыться даже от птиц».

Закрыв глаза, он пробует усилием воли отправить себя в лабиринт. Так, как мог перемещаться по Саду еще вчера. Нет, опять ничего. Нужно использовать нижние конечности. Чувствовать тупую боль в мышцах, покрываться вонючей жидкостью. Только далеко за полдень удастся забраться на вершину холма.

Прямо у него под ногами закручивается к горизонту гигантская спираль лабиринта. Он кубарем летит со склона вниз, вкатывается в темное отверстие входа, куда живые зеленые стены едва пропускают солнечные лучи. Отдышавшись, переворачивается на спину. И вдруг тихо смеется, наслаждаясь новым, еще не распробованным ощущением. Сам по себе. Словно камешек на ладони. Можно вертеть и так, и эдак. Разглядывать со всех сторон.

Опять вспомнились обезьяны. Они были первыми, с кем удалось поговорить в Саду.

– Ты похож на нас, но не обезьяна.

– Да, я следующий вид.

– На тебе совсем нет волос! Тебе не холодно?

– Нет. Я могу сам регулировать теплообмен.

– Чем ты еще отличаешься от нас?

Он приходит в себя от озноба. Солнце вот-вот зайдет. Зеленые стены лабиринта превратились в серые, на ощупь холодные и шершавые. Камень. Живое стало неживым. Разве так бывает? Он срывается с места, бежит к выходу, но теперь ход все время сужается. Стены сжимают его, крыльями заломив назад руки. Внутри появляется что-то твердое. Растет, растет – и вот уже почти нечем дышать. Тело быстро каменеет: ни шевельнуться, ни даже опустить веки. Все, что он еще помнит, это обезьяны. Они толкуются вокруг, жизнерадостно тычут в него лапами и орут:

– Если ты не обезьяна, то кто?

– Кто ты такой?

– Кто?

* * *

Журчащий, едва различимый звук настырно просачивается в уши. Заполняет голову, вымывая из нее обезьяньи крики.

– *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

Гигантские невидимые руки легко достают тело из каменных тисков и бросают в полумрак вытянутой, похожей на обувную коробку комнаты. Холодный желтый фонарь скудно подсвечивает ее через окно. Он просыпается – весь мокрый, запыхавшийся, словно и правда от кого-то убежал. Тяжесть в груди все еще с ним: плотная, объемная, как литой свинцовый кружляш. Но мозг уже начал сомневаться.

Там были говорящие обезьяны. Разве обезьяны могут разговаривать? Просто сон. Твои студенческие воспоминания. Вспомни – конец девяностых. Оксфорд. В парке ни души, только ты и Ева. Она смеялась: мы с тобой как первые люди в раю. Лабиринт? В лабиринте вы целовались. Был такой – совсем крохотный, почти игрушечный. Подстриженные шарами и

кубиками кусты туи. Река? Колледж Леди Маргарет Холл, его владения как раз упираются в речушку Червелл.

Сеанс терапии почти завершен. Осталось немного. На самом деле вспомнить, кто же он такой.

– День-ги за-даром, дев-ки-за-так...

В тридцать лет он уже страшно устал от самого себя. Приевшаяся, набившая оскомину жизнь, где на ближайшие полвека не предвидится ни одного неожиданного поворота. Унылый аллюр внутри проклятого треугольника – дом, офис, паб. От этой юдоли, решил он, не спастись серьгой в ухе или татуировкой на полспины. Нужен побег. Скорость и постоянное движение. Чтобы жизнь, с которой соприкасаешься, не успевала разлагаться до состояния плохо пахнущей рутины. Так появилась адская работа в инвестбанке: девять месяцев из двенадцати в разъездах за границей. Новые города, люди, женщины, еда. Как серфингист волну, он жадно ловил этот встречный поток. Скользил по нему, не погружаясь, только пробуя на вкус. Почти разные жизни, которые как одежду каждый день примеряешь на себя. И да – эта разноцветная, шумная воронка засосала с головой. Так что однажды, проснувшись поутру, он долго не мог сообразить, в каком именно из своих миров вынырнул на поверхность. Сладкое, мало с чем сравнимое состояние. Свобода не быть и свобода стать кем угодно. Полное самообнуление – и тут же, на подносе, любое бытие на выбор. Может, он арабский шейх с гаражом, полным лакированных тачек, и гаремом, где его ждет не дождется дюжина томных красоток? Голливудский актер, под дверью которого толпятся озверевшие от восторга поклонники? Член правительства? Белокостный аристократ? Приглядевшись к бледно-зеленым обоям в комнате, уловив за окном обрывки итальянской речи, наконец, сообразил: отель, Флоренция, международный инвестиционный конгресс. В памяти всплыло имя, за ним прошлое. Но пережитый в то утро опыт оказался сродни наркотическому трипу. Позже он научился сам вызывать это состояние, испытывая приступы яркого, особенного счастья. Только вот однажды утром захотелось вспомнить себя, настоящего – и не получилось. Словно охлопываешь карманы в поисках ключей, которые должны там быть – а в ответ ничего, тишина.

– День-ги за-даром, дев-ки-за-так...

Господи, это же его сотовый.

Мысль рывком приподнимает тело, рука наотмашь отбрасывает в сторону одеяло. Взгляд, еще без всякого смысла, скользит вдоль кровати. Рядом лежит на животе голая спящая женщина. Мэри, рассеянно вспоминает он, ее зовут Мэри. Свет уличного фонаря растекся и застыл золотистой пленкой на красивых овальных ягодицах. Они словно из металла, невероятно холодные и твердые на вид. Статуя? Неужели он спит со статуей?

– День-ги за-даром, дев-ки-за-так...

Раз, другой телефон ящерицей ускользает от рыскающих по ковру пальцев. Завладев им, он отвечает не сразу. Хлопая другой ладонью по столу, на ощупь выхватывает из полутьмы пластиковое удостоверение. Окунает его в поток желтого уличного света. *Джон Голдстон*. Вот кому принадлежит это тело.

– Голдстон слушает.

– Крепко спишь, дружище. Наконец-то отоварил карточки на коньяк?

Голос еврокомиссара Кнелла такой, как обычно: отточенно-ехидный, обрезать можно. Но сегодня есть что-то еще, тяжелое, даже тревожное. Со сна не разобрать. Чертыхнувшись, Голдстон вслепую приземлился на кресло, неудобно подогнув под себя ногу.

– Который час, герр комиссар?

– Без пяти пять. Я не разбудил... Мэри? Или она уже в отставке? Неделя-то хоть прошла?

Втянув носом прохладный воздух, Голдстон страдальчески вздохнул.

- В Берлине некого любить, герр комиссар, если вы опять о своем.
- Значит, у тебя одной причиной больше, чтобы уехать отсюда.
- До него, наконец, дошло: Кнелл никогда не звонил раньше восьми.
- Что, конец света?
- Почти угадал.

Кнелл подержал неприятную паузу, причмокнул, будто врач перед тем, как озвучить безнадежный диагноз.

– Москва. Надо слетать туда на несколько дней... Согласен, не самый популярный курорт зимой. Вряд ли Мэри составит тебе компанию. Поищешь варианты на месте.

Голдстон вскочил с кресла и тут же припал на затекшую, ватную ногу. Вот оно, все-таки настигло. Захотелось, как в детстве, забиться с головой под одеяло. Спрятаться от всех на свете.

– Джон?

– Я могу отказаться?

– Нет.

– Если честно, забыл весь свой русский.

– Отправлю под трибунал – сразу вспомнишь. Жду тебя на Вильгельмштрассе ровно в шесть. Все... *серьезно*.

Когда Кнелл говорит *серьезно*, лучше не спорить. Иначе от вековой спячки, упаси Господи, проснется тотем его предков. Голдстон откуда-то в точности знает: это бурый, с огромной круглой головой и щелями-глазками медведь-шатун, весь покрытый колтунами грязной, спутанной шерсти. Придет, навалится горой-тушей, всадит ржавые клыки прямо в шею... Он обреченно поплелся в душ, запустил там по-издевательски теплую из-за мер по экономии тепла струйку воды. Сполоснувшись, стремительно запрыгнул в приготовленный с вечера мундир. Уже на бегу заглянул в спальню. Мэри, забытая им без одеяла, тоже проснулась. Сидела голая, обняв колени, на кровати и, как кошка, неотрывно смотрела в сторону двери. Кажется, он должен восхититься этим ухоженным, манекенистым телом.

– Срочно вызвали в министерство. Но тебе, напротив, повезло. Кровать теперь целиком твоя. И холодильник тоже. Я как раз получил паек.

Он говорит как обычно. Низким, монотонным голосом, небрежно выговаривая слова. Но ему чертовски неловко и хочется поскорее уйти. Внутри ни капли благодарности. Лишь бледные угрызения совести, что эта женщина рискует из-за него простудиться. И так всегда на следующее утро. «Женщин надо стараться любить, даже если у тебя их будет очень много». Отец как в воду глядел. Любовь. Тепло. Где же взять столько тепла, если почти не топят?

– Тебе было хорошо вчера?

Он молча кивнул. Поцеловал мягкую, мертвецки холодную щеку. Содрогнулся внутри, припомнив металлические ягодицы. Только в машине, когда кое-как пригрелся на сиденье, мысли вернулись к ночному кошмару. Внезапно дошло:

«Стена не сожрала меня до конца. Впервые за два года сон прервался».

* * *

Самолет сел в московском аэропорту «Шереметьево», терминал А, точно по расписанию, в 9.15 утра. Недолгий перелет из Кракова показался Голдстону репетицией путешествия в ад. Их малютку «фоккер» болтало, швыряло и подкидывало, как байдарку во время сплава. Прибором, измеряющим эту чудовищную качку, был заполненный наполовину пластиковый стакан, вода в котором гуляла волнами туда-обратно. Но где-то над Минском и сам стакан сиганул в ужасе со столика, оставив на полу неопрятную мокрую кляксу. За иллюминатором сливового цвета тучи враждебно пихали крохотный самолетик пухлыми боками и зыркали на него злове-

щими вспышками багровых молний. Да, и посадка а-ля рус на десерт. О ее прелестях Голдстона предупредили еще перед взлетом. Любезно намекнули: лучше держать наготове гигиенический пакет. Снижение ощущалось скорее как свободное падение обессилевшего от схватки с враждебными небесами «фоккера». Тело, запаниковав, начало рваться обратно, на прежнюю высоту и заодно выворачиваться наизнанку, чтобы избавиться от лишнего балласта. Пытка, спокойно сообщил по громкой связи садист-пилот, продлится шесть-семь минут. Голдстон закрыл глаза, напряг мышцы живота и попробовал найти в происходящем нечто позитивное.

Наконец-то окажусь на исторической родине. Жаль, дед не дотянул до великого момента. Сколько ему было бы сейчас?

Шестьдесят восемь и тридцать – почти сотня. Господи, неужели и правда тридцать лет прошло? А как на прошлой неделе все было, дорогой Юрий Дмитрич. Наши «русские чаепития» по пятницам, пять-шесть больших чашек чая за вечер, с медом и жесткими как камни баранками из «русского магазина» в Лондоне, который держали какие-то литовцы. Много чаю с тех пор выпито внуком Джоном – но разве сравнится он с тем чаем из детства?

Дед Юрий Дмитрич, как торжественно, по имени-отчеству, величали его дома, был худ, жилист и носил в любую погоду прикрывавшую лысину кепку, в зависимости от времени года теплую шерстяную или легкую бейсболку. Часто не снимал ее даже дома. Повиновался в том только супруге Наталье Александровне, со вздохом открывая взору сияющую макушку и бережно вешая драгоценный головной убор на крючок у входа. Страстная любовь к чаю внешне роднила Юрия Дмитрича с британцами, но являлась при том исконно русской ее разновидностью. Ведь чай он пил не такой, как любят англичане – красноватый, терпкий, который надо непременно разбавить молоком. Нет, душистый от крепости, с пенкой при заваривании. Утверждал, что пьет не удовольствия ради, а «чтобы приманивать мысли». И правда, часто во время чаепития, сидя нога на ногу и прихлебывая из чашки, дед будто отключался от бытия вокруг, проникая взглядом в иное, невидимое пространство и даже, возможно, блуждая по нему. Сделав последний глоток, долго сидел так какое-то время, философски выкатывая шарики из хлебного мякиша. Позже шарики эти загадочным образом перебирались в карманы пиджаков и курток Юрия Дмитрича, где со временем превращались в каменную россыпь.

Но с внуком Джоном дед, как раз напротив, любил под чай поговорить. По-русски и почти всегда о России, где Юрий Дмитрич провел детство и юность. Уже гораздо позже Джон понял – рассказы там и здесь срастались с сюжетами из русской литературы, до которой дед был большой любитель несмотря на свои пять классов деревенской школы и ускоренные курсы в танковом училище. Знал он наизусть сказки и море стихов Пушкина и близко к тексту прозу, а еще всего Гоголя – кроме «Мертвых душ», которые не жаловал. Потому-то в воображении маленького Джона Россия выглядела вовсе не так, какой показывали ее по телевизору – серой, скучной и притом опасной. Да, наверное страшная, но все равно сказочная страна, где дед поздней осенью, по дороге в деревенскую школу, мог нос к носу столкнуться с настоящим волком. Населенная сильными и суровыми людьми, почти героями из древнегреческих мифов. «Мы тут с тобой по чашечке, без напряжения чаек потягиваем – а вот купцы в старой России брали на пару двадцатилитровый самовар. Вешали себе на шею полотенце, чтобы пот вытирать – и вперед», – рассказывал внуку Юрий Дмитрич. Джону не верилось, что кто-то способен вдвоем осилить двадцать литров кипятка. Дед подмигивал Джону, поучал – не разобрать в шутку или всерьез: «Мы, русские, еще и не такое можем. Да что там – все можем! У нас такой размах – широкий. Ни у кого больше в мире такого нет. Только вот на родине у себя, дураки, все страдаем и жизнь устроить для себя не можем, чтоб хорошо было». То, что Джон русский в лучшем случае наполовину, ничего не меняло: «Раз со мной интересно – значит, русский. Что-то важное у нас внутри друг к другу притягивается». То есть, интересовался внук, и я смогу

когда-то полсамовара выпить? Юрий Дмитрич от души смеялся и обещал: и полсамовара будут, и много чего еще необычного...

Самолет трянуло безжалостно на воздушном ухабе. Голдстону на мгновение показалось, что его длинное, худое тело, подобно вытянутой фарфоровой вазе вот-вот разобьется вдребезги. Он опять подумал о хорошем: если садиться по-человечески, шансы развалиться на куски выше. Русские партизаны, вот странность, не отличаются гостеприимством. Встречают гостей из Европы вовсе не хлебом-солью, как предписывает местная традиция, а ракетами «земля-воздух», легко сбивающими цели на трехкилометровой высоте. Военная контрразведка исписала, наверное, не одну тонну бумаги версиями о том, откуда появились ракеты у кочующих по лесам партизан (в самом деле, не под елками же они их находят вместо грибов?). Но эта кропотливая, заслуживающая всяческого уважения работа, увы, не в состоянии предотвратить регулярные, красочные фейерверки в районе аэропорта. И хотя десятки мобильных патрулей до одурения играют с диверсантами в кошки-мышки, им нечасто удается заполучить желанный трофей – бородатого мужика, одетого в шапку-ушанку и вонючий бараний полушубок. Если верить карикатурам в «Санди таймс», типичный русский партизан выглядит именно так. Вспомнилось даже имя персонажа из комикса, популярного пару лет назад – Иван Калашников. Главным оружием злодея был вовсе не одноименный автомат, что логично предположить, а ужасный, непереносимый смрад немытого тела. С криками «Партизаны используют химическое оружие! Нечестно!» европейцы дружно разбежались по кустам.

Сейчас, когда потери на востоке растут по экспоненте, газетам не до комиксов. Тон сильно поменялся – наивное, высшей пробы изумление. Как же так – упрямо, с упорством дикарей не признавать очевидные факты! Наверное, надо подходчивее объяснить партизанам, что России уже нет, она закончилась даже де-юре. Есть *Сибирская республика*, но это, согласитесь, совсем другое название, да и география тоже другая. Обвинять внешние силы в такой метаморфозе способен только последний идиот, а партизаны, как мы уже поняли, не идиоты. Интервенция европейских государств началась по причине гуманитарной катастрофы и, напротив, спасла сотни тысяч жизней. Никаких рациональных причин – даже одной-единственной – для продолжения войны не существует. Слышали? Не существует! Но партизаны, о ужас, почему-то все равно стреляют в нас, да еще все чаще и все точнее. Почему? Зачем? Накануне вечером, сидя в номере краковской офицерской гостиницы и перещелкивая в тоске телеканалы, Голдстон наткнулся на ток-шоу, где трое умников долго ходили вокруг да около, пытаясь объяснить – почему и зачем.

С минуту на стене-экране в полной тишине мелькали траурные кадры с сожженными на шоссе в заснеженном лесу трейлерами и военными грузовиками. Выдержав трагичную паузу, сухопарый, с залысинами ведущий вперился в миллионы зрителей немигающим взглядом и отчеканил почти на одном дыхании:

– Перед вами армейский конвой, разграбленный на днях партизанами неподалеку от Москвы. Убиты двадцать пять солдат из отряда сопровождения. Всего же только за январь и февраль потери в зоне оккупации составили почти тысячу человек. Да, тысячу! Это жестокая и кровопролитная война. И, по мнению многих, мы ведем ее непонятно с кем и непонятно за что.

Студия совсем растворилась в темноте, и Голдстону долго показывали в разных ракурсах лишь мертвый, обездвиженный конвой. Россыпи гильз под ногами. Вмерзшее в снег неряшливое лиловое пятно, похоже кровь. На кузове грузовика мелькнула сделанная белой краской из баллончика по-русски надпись: «Смерть фашистам». Насладившись картинами разрушения, камера вернулась к хозяину студии.

– Есть два важных вопроса, которые приходят в голову каждый раз, когда мы слышим о новых жертвах этой войны. Первый – кто эти люди и почему они сражаются с нами? Второй

– понимаем ли мы, какая судьба ожидает в перспективе огромную территорию от прежней российской границы до Уральских гор? Это я и хотел бы обсудить сегодня в нашем ток-шоу.

Трое гостей-экспертов за столом – имен Голдстон не запомнил, только национальности, немец, британец и поляк – тут же начали ожесточенно переглядываться друг с другом, совсем как школьники на уроке, когда учитель просит кого-то выйти к доске. Первым сдался немец.

– Да, несомненно, это весьма важные вопросы! И они означают начало нового этапа нашей гуманитарной миссии на Востоке. Три года назад мы столкнулись с экстремальной ситуацией: надо было предоставить защиту от бандитов гражданскому населению, а также обеспечить стабильность газовых поставок. Теперь, когда данные цели достигнуты, логично задуматься о следующих шагах.

Ведущий театрально отмахнулся от реплики – ему, похоже, нужна была драма.

– Общими словами не оправдать ежедневные потери в десятки человек... Не забывайте – нашу передачу смотрят близкие погибших солдат! Они хотят знать правду! Дайте им больше фактов! Кто те люди, что до сих пор воюют против нас? Сколько их? Чего они хотят? Почему не признают соглашений, подписанных Сибирской республикой? Кто мне ответит?

Больше всего фактов, похоже, знал англичанин. То, о чем он рассказывал, Голдстон, конечно же, слышал и читал прежде. Однако все вместе это звучало занимательно, особенно накануне полета в Москву.

– Второй восточной армии противостоят в районе бывшей московской агломерации не менее пятидесяти тысяч партизан. Цифра кажется внушительной, однако, как правило, речь идет о небольших подразделениях численностью до ста человек, вооруженных только стрелковым оружием. Вопреки упорным слухам о «сибирских спецназовцах», в этих отрядах состоят в основном местные жители, которые не смогли эвакуироваться.

Ведущий издевательски улыбнулся.

– Хотите сказать, на этот конвой напали бабушки? Откуда местные берут оружие?

– Вокруг Москвы еще с советских времен располагалось несметное число военных частей и складов с оружием. Многие были разграблены.

– То есть Сибирская республика не помогает партизанам?

– Не думаю, что им оказывается масштабная централизованная помощь. Наша разведка наверняка быстро раскрыла бы такие схемы. Скорее речь об отдельных добровольцах или частных организациях, которые собирают пожертвования и закупают амуницию для партизан. Но, как вы знаете, они работают нелегально и сибирское правительство всячески им противодействует.

– Итак, ваш вывод?

– Когда говорят «пятьдесят тысяч партизан», то эта цифра, бесспорно, впечатляет. Но давайте вспомним о другом явлении – небывалом расцвете бандитизма на территории бывшей России. Тысячи банд, в которых может состоять до миллиона человек. Миллиона! Партизаны, по большому счету, одна из разновидностей бандитских отрядов, которые живут налетами и грабежами. Отличие лишь в том, что для привлечения новых сторонников они используют патриотическую риторику. Уверяю вас, не надо приписывать им никаких сверхзадач...

Тут в разговор ворвался поляк – до того в знак несогласия он долго и упорно тряс седой шевелюрой до плеч:

– Обыкновенные бандиты? Ка-те-го-ри-чес-ки не согласен! Вы недооцениваете иррациональную составляющую в русских! Мы, поляки, гораздо лучше знаем эту нацию, крайне опасную как раз из-за своих оторванных от реальности маний... Русские одержимы идеей собственной богоизбранности и мессианства! Сознание русского, если можно так выразиться,

русоцентрично! При том имеет четко выраженное историческое измерение. Это растянутая на века, возможно тысячелетия, особая миссия.

Театрально выкатив глаза, ведущий ток-шоу просипел:

– Боюсь, после такой порции непонятных терминов наши зрители вот-вот переключатся на футбол!

– Я лишь объясняю, почему русские не смиряются с утратой своего государства. Тот факт, что основные боевые действия ведутся вокруг Москвы, логично укладывается в их мировоззрение. Они воспринимают этот город как священный центр своей исторической империи. Вернув его, можно восстановить и саму империю... Какие у Сибирской республики причины помогать партизанам? Тут, мне кажется, все прозрачно. Чтобы добиться пересмотра условий экспорта газа и нефти, которые, соглашусь, крайне для них невыгодны. Помогает ли правительство в Сибири партизанам на самом деле? Ответьте мне только на один вопрос: откуда еще у них могло появиться ракетное вооружение? Нашли на заброшенном военном складе? Очень сомнительно... Напомню – в войнах с Наполеоном и Гитлером партизанское движение запускалось в России сверху... От Москвы до Ухты, где начинается зона ответственности сибирских властей, менее двух тысяч километров. Наши войска контролируют на севере только узкую полосу вдоль экспортного газопровода. Да, есть разведка, есть контроль со спутников, пусть их и осталось критически мало... Но, думаю, все это не очень эффективно, если речь идет о перемещении одного-двух грузовиков с ракетами.

Ведущий воткнулся в поляка своим немигающим взглядом.

– Считаете, русские действуют по заложенной в них генетикой программе? Не является ли это, в таком случае, определенным преимуществом?

Поляк опять возбужденно затряс головой:

– Напротив! Их государственность рухнула как раз из-за противоречий между архаическим сознанием и реалиями современного мира.

Англичанин с готовностью поддержал коллегу новой порцией аналитики:

– Россия не выдержала давления, которое оказывала на нее избыточность пространства. Чтобы его удерживать, не хватило человеческих, интеллектуальных, финансовых ресурсов. Я бы назвал это катастрофической нехваткой эффективности. Ставка на постоянную внешнюю экспансию в ущерб внутреннему развитию завела страну в тупик...

Тут любитель общих фраз немец, о существовании которого Голдстон успел подзабыть, неожиданно вступил с обоими в спор:

– Не рано ли делать подобные выводы? В истории России не раз происходил распад единого государства. Но русские находили в себе силы, чтобы восстановить его...

Поляк, кажется, даже слегка подпрыгнул на стуле от негодования.

– Россия утратила все атрибуты государственности! Сибирская республика, как специально записано в мирном договоре, не является ее правопреемницей! Это вновь образованное государство, оно не имеет никакого отношения к землям от Украины до Урала... Они должны быть вовлечены нами в экономический оборот. Мы постепенно очистим их от банкетов и создадим условия для переселения туда избыточной рабочей силы.

Здесь Голдстона отвлекли минут на десять – позвонил Кнелл с последней порцией наставлений перед вылетом в Москву. Когда он вернулся к телевизору, успел поймать лишь заключительный аккорд.

– ...надо признать, что принятое три года назад решение о постройке Стены вокруг Москвы оказалось совершенно правильным. В условиях партизанской войны это спасло не одну тысячу жизней наших солдат, – развивал какую-то свою мысль англичанин. – Думаю, первым этапом освоения освободившихся территорий могло бы стать строительство ана-

логичных крепостей, пусть и меньшего масштаба, в наиболее важных с экономической точки зрения регионах. Напоминает Средневековье? Да, мир снова стал очень большим и крайне опасным. Стены – его незаменимый элемент, может быть, даже главный символ...

Как можно вести войну и не знать ответа на вопрос, кто и почему в тебя стреляет? «Посадить их на самолет до Москвы. Если долетят живыми, отправить без охраны в подмосковные леса. Пусть проведут подробное социологическое исследование среди партизан». Представив экспертов, сидящих вместо футуристической студии у костра на заснеженной лесной поляне, в компании дикого вида бородатых мужиков, Голдстон беззвучно смеется, вырываясь за пределы болевого поля, и в этот момент шасси «фоккера» с грохотом встречается с землей. Он медленно проводит ладонью по лбу и вискам, неприятно сочащимся липким потом. Отчего-то кажется, что рука теперь должна пахнуть кровью, словно его только что во второй раз вытолкнули из уютной материнской утробы в жестокий и враждебный внешний мир.

* * *

Едва самолет замер на месте, Голдстон извлек из потертого, толстой кожи портфеля телефон спутниковой спецсвязи. Набрал заметно дрожащими пальцами короткое сообщение. Скорее даже не служебная обязанность, а порыв, радостный и искренний. Жив! Он жив! Через секунду в канцелярии Кнелла будут знать – несмотря на козни партизан и злобность погоды посланник еврокомиссара добрался-таки до Москвы. Разминая еще вибрирующие колени, он расплылся в самодовольной улыбке. Главное испытание позади, и даже гигиенический пакет не пригодился. Осталось твердым, уверенным шагом покинуть эту камеру пыток. У выхода его ждал пилот-немец в синей форме – сухой, загорелый, подтянутый. Настоящий гитлеровский ас из детских книжек про войну. Наклонив по-птичьи вбок голову в фуражке, с откровенной издевкой разглядывал потрепанного пассажира.

– Надеюсь, герр штабс-капитан, вам понравился наш полет... Крепче держитесь за поручень! Трап может быть скользким!

Ответить не довелось. Голдстон по-детски захлебнулся, когда из распахнувшейся дверцы в лицо щедро плеснуло ледяным ветром. Толстая, с подкладкой шинель тут же безоговорочно капитулировала перед московской погодой. Он беспомощно передернул плечами, чувствуя, как юркий ручеек холода змейкой пробирается за шиворот. Вспомнилась присказка от деда: «Марток – надевай, парень, семь порток!». Да, весной здесь и не пахло. Вообще ничем не пахло. Трап, обледеневший и грязный, вел вниз к присыпанному снегом, парализующему своим мертвым, мороженым видом асфальту. Оторвавшись от железных ступеней, глаза жадно заскользили по кругу, но долго, целую вечность, не могли ни за что зацепиться. Казалось, плотные облака, через которые они только что упорно продирались к земле, опустились вместе с ними и развоплотили этот мир до самого горизонта, почти неразличимого среди разнообразных оттенков серого, черного и коричневого. Небо, поле, лес неподалеку – все сливалось в нечто бесформенное, одноцветное, не поддающееся определению и систематизации. Ничто не доминировало, не бросалось в глаза. Творение словно остановилось здесь на полпути, так и не постигнув до конца высший замысел.

Спускаясь по трапу, Голдстон в самом деле неуклюже поскользнулся на обледеневшей ступеньке. Устоять помог сыгравший роль противовеса увесистый, кило на три, кирпич «Войны и мира» в портфеле. Кнелл лично запихнул его туда перед расставанием. Сказал вслед за тем, доверительно придерживая за плечо:

– Знаешь, почему Гитлер проиграл войну русским? Потому что первое правило на войне – надо знать своего врага. Пытаться влезть в его шкуру и смотреть на мир его глазами. Он же просто считал русских не стоящими внимания дикарями. Безликой массой, которой манипу-

лирует кучка евреев. Вот Рузвельт – тот был поумнее. Сразу после Перл-Харбора приказал срочно написать книгу о японцах, которую должны были прочитать все офицеры до единого¹... У тебя конкретное задание в Москве, все так. Но старайся смотреть на вещи шире. Мне нужно твое мнение.

– Мнение? О чем, герр комиссар?

– О том, что делать дальше. Если честно, мы залезли в непролазные дебри, Джон. Из них не выбраться, если не ответить на десяток-другой очень странных вопросов. Например, непостижимая живучесть русских. Со временем их сопротивление только усиливается. Почему? Можно ли этому что-то противопоставить? Не обречены ли мы здесь на вечный проигрыш? Когда на совещаниях у канцлера начинают говорить «подождите чуть-чуть и русским надоест воевать», я вспоминаю, как мой дед, разведчик в дивизии СС «Рейх», осенью сорок первого года рассматривал в бинокль башни Кремля и писал домой письма о скором окончании войны. Как работала его немецкая логика? Если прошел от границы до Москвы тысячу километров, оставшиеся пятнадцать до Кремля – это сущий пустяк! Так вот, до конца жизни он пытался докопаться, где Гудериан² допустил ошибку. И не мог найти, понимаешь? Не было никакой ошибки. Русские просто сделали то, чего не смог бы сделать никто другой.

Голдстон понял, наконец, куда клонит Кнелл.

– Мои гены молчаливы как рыбы, герр комиссар. Они не ответят на ваши вопросы, даже если поджаривать их на сковороде.

Кнелл шутку не принял. Был серьезен словно на похоронах.

– Я верю в кровь, Джон. Это страшная сила. Да еще язык в придачу. Ты способен воспринимать ту реальность напрямую, а не через отражения как я. «Войну и мир» давно читал? Невероятно актуально! Иностранное вторжение, занятая Наполеоном Москва, неуловимые партизаны... Перечитай, наверняка пригодится.

В самом деле, уже пригодилось.

У трапа Голдстона ждал бронированный «Мерседес» с зелено-белыми военными номерами, модель с большими колесами, которую выпускали специально для России. А еще кособокая восковая фигура в серой шинели. Хотя нет – облачко пара, вырвавшееся изо рта, изобличало тут наличие жизни. Приземистый, полноватый, похожий на комедийного мафиози смуглый лейтенант лет пятидесяти. Итальянец или француз откуда-то с самого юга. В остеклевших черных глазах читалась мольба отправить домой тем же самолетом, на котором только что прилетело начальство.

– Да здравствует Европа!

– Вольно!

Судя по акценту, все-таки Италия. Голдстон, сам того не желая, почувствовал себя высшим существом. Синьор лейтенант смотрелся жалко даже на фоне начинающейся русской весны. А ведь в феврале, говорят, здесь держались тридцатиградусные морозы.

– Добро пожаловать в Москву, герр штабс-капитан. Меня зовут Марчелло... Обер-лейтенант Марчелло Липпи... Садитесь, пожалуйста, в машину.

Их «мерседес», сопровождаемый парой БТР, без всяких формальностей миновал стальные ворота аэропорта. Наряд солдат-невалышек, плотно запакованных в шлемы и пуленепробиваемые жилеты, вяло отдал честь кортежу очередной шишки из Берлина. Голдстон с детским любопытством рассматривал мутные пейзажи за окном. Через фильтр тонированных стекол прежний бесформенный мир казался более рельефным и контрастным. Запах парфюма, обильно источаемый сидевшим впереди Марчелло, придавал ему какую-то особенную

---

¹ Книга Рут Бенедикт «Меч и хризантема», посвященная особенностям японской культуры.

² Гудериан Гейнц, генерал-полковник, в 1941 году командующий 2-й танковой группой, наступавшей на Москву.

тяжесть. Некоторое время попутчики провели в полном молчании. Отогревшись, лейтенант подал голос.

– Впервые в Москве, так? На вертолете, конечно, было бы быстрее. Десять минут – и на месте! Но теперь, когда у партизан появились ракеты, лучше не рисковать. Правда, шоссе тоже время от времени обстреливают. Ставят минометы на автомобили, едут вдоль трассы и палят на ходу. В общем, нагледят на глазах...

Да, не поспоришь. Голдстон вспомнил видео «для служебного пользования», которое просматривал на днях в Берлине. Взорванная партизанами в городке Торжок газокompрессорная станция, одна из двадцати перекачивающих газ по магистральной трубе в Европу. Кадры что надо, Голливуд бы позавидовал. Обгоревшие руины кирпичных зданий вперемешку с грудями развороченного, оплавленного металла. Понятное дело, в новостях все прошло как «успешно отбитое дерзкое нападение партизан с минимальными потерями». Но потери, сорок человек техперсонала и охраны, пропавших без вести в адском пожаре, далеко не самое чувствительное в этой истории. Вместе со станцией серьезно пострадал и сам газопровод. Поставки газа сократились в разы, на полное восстановление уйдет до двух недель. Хорошая новость в том, что диверсия подарила им с Кнеллом благовидный предлог для поездки в Москву. Полгода назад Министерство вооружений, где трудится Голдстон, завершило титаническую работу, превратив газовую трубу в неприступную крепость: бетонные заграждения, видеокамеры, инфракрасные датчики движения, системы автоматического ведения огня. И вот в Торжке датчики почему-то не сработали. То есть вообще. Партизаны подобралась к ограждению, подорвали его, а потом, словно в тире, расстреляли из гранатометов компрессорную станцию.

– Есть версии, почему отказала сигнализация в Торжке?

Итальянец то ли не расслышал вопроса, то ли ему нечего было ответить. Они проехали под каким-то мостом, и на фоне массивной, похожей на ногу доисторического монстра бетонной опоры стекло сделало мгновенный снимок Голдстона. Бледное, как у призрака, с острым подбородком лицо. Слегка оттопыренные, любопытные уши. Глубоко посаженные глаза настоженно выглядывают из-под светлых, едва заметных бровей. Неужели он и есть это смазанное, едва собранное вместе отражение? Судя по оставшемуся с довоенных времен указателю, свернули на Ленинградское шоссе. По обе стороны от дороги замелькали скрепленные бетонным забором пулеметные вышки-башни, единственное украшение безжизненного снежного поля. Все остальное в радиусе ста метров сровняли с землей, оставив едва угадывавшиеся под осевшим снегом остовы зданий и пни спиленных деревьев. Впрочем, партизан это не останавливало. Голдстон насчитал целых три обгоревших остова БТР, скинутых на обочину. Судя по виду, вполне еще свежих. Стало неприятно, словно очутился в морге, в окружении мертвых, бесполезных тел. Под горлом с готовностью натянулась леска дурного предчувствия. Что-то там на нее клюнуло, партизанская засада, а может подрыв на mine. Запах одеколona стал жестче, резче, начал кислотой разъедать мозг.

«Надо о чем-нибудь заговорить. Немедленно».

– Почему партизаны продолжают сопротивление? Ведь не осталось даже страны, за которую можно воевать?

Марчелло вздрогнул. Повернулся к нему вполоборота, показав почти прямоугольный профиль.

– Здесь все по-другому. Черт знает, за что они там воюют. Фанатики. Нам их никогда не понять.

Голдстон услышал в его словах вызов для себя. Никогда не понять? Мужиков в вонючих полушубках?

– Вы не пробовали поговорить с кем-то из них?

Итальянец дико посмотрел на Голдстона. Похоже, сильно испугался, представив это живую.

– Вы задаете странные вопросы, герр штабс-капитан. Честно говоря, даже не знаю, что ответить...

Тут же продолжил с наигранным оживлением, очевидно желая перескочить на другую тему:

– Уже подъезжаем к окраине города. Еще пять минут, и вы увидите нашу знаменитую Стену! Знаете, в ней есть что-то такое... Не могу назваться добрым католиком, но каждый раз, когда на нее смотрю, хочется перекреститься... Честное слово!

Голдстон вздрогнул. Видишь, вездесущая Стена забралась в голову даже к простаку Марчелло. По-своему, но забралась.

Три года назад, едва канцлер озвучил план окольцевать центр Москвы тридцатиметровой высоты стеной, газеты и телеящик вцепились в эту тему мертвой хваткой. Голдстону не раз приходило на ум: строительству, при всей технической масштабности проекта, отводится изо дня в день непропорционально много прайм-тайма и первых полос. Торжественное прибытие первого конвоя с техникой, выкапывание рва одновременно десятками экскаваторов, «закладка первого камня». Бесконечные прямые включения, закольцованные репортажи, многолюдные ток-шоу. Инициатива какого-нибудь ретивого чиновника из Министерства информации, решил он. Поднимают патриотический дух сидящего на продуктовых карточках населения. Но хорошая знакомая на «Евроьюс», дальняя предшественница Мэри, искренне озадачила. Никаких рекомендаций сверху, только рейтинги. Стена сама, без всякой накачки, превратилась в медийный фетиш.

Голдстон сразу вспомнил об этой коллективной мании где-то полгода спустя, когда ему по ночам начали сниться стены. Они были разные – комнатные, уличные, крепостные, беленные известью, оклеенные веселенькими обоями или брутально-кирпичные. Но все равно, каждое сновидение непременно завершалось кошмаром, где стена тем или иным изуверским способом убивала его. Душила, погребала заживо, давила до состояния фарша. Так, скорее в медицинских целях, он начал изучать историю великих стен человечества, чтобы в конце концов прийти к поразительному выводу. Вал Адриана³ в северной Англии, Великая Китайская или Берлинская стена – каждый из этих грандиозных проектов оказался детищем коллективных страхов, причем скорее бессознательных, а не внушенных конкретным врагом. Император Адриан, выражая общие опасения за будущее дряхлеющей империи, в буквальном смысле пытался скрепить ее по периметру оборонительными сооружениями. Китайцы построили стену длиной в тысячи километров для того, чтобы укрыться за ней от соблазна Степи, запретить самим себе возвращаться к «варварской» кочевой жизни. Берлинская стена зримо разделяла бесчисленные взаимные страхи капиталистического Запада и социалистического Востока. Стена в Москве, чьи колоссальные размеры сложно было объяснить текущими военными задачами, также выглядела порождением скорее подсознания. Мало-помалу в голове у Голдстона нарисовалось что-то вроде смыслового отражения, объясняющего смысл этого сооружения. Бетонное основание, фундамент нового мира. Зацепка для миллионов, впавших в скрытое или явное отчаяние после краха того порядка вещей, который, казалось, должен был изменяться только к лучшему.

Несчетное число раз Голдстон видел Стену в теленовостях, но здесь, живую, она наверняка должна *открыться* ему иначе. Открыться – да, именно так. Как жертва нападения, решившаяся встретиться лицом к лицу с насильником, чтобы излечиться от мании преследования, он надеется, что личная встреча принесет исцеление от ночных кошмаров. Но под этой болезненной надеждой запрятано еще более странное желание. Докопаться до первопричины

---

³ Вал Адриана – оборонительная стена длиной более 100 км, построенная римлянами в Англии.

того, что с ним случилось. В его снах есть своя извращенная прелесть. Они как будто совсем не завязаны на ту жизнь, которой он живет *здесь*. Когда Голдстон повторяет заученно: «все сновидения коренятся в нашем опыте», то обманывает себя. Нет, его кошмары не так просты. Откуда они приходят, из какой реальности? Вот почему ему не терпится увидеть Стену. Он почти со священным ужасом представляет, как, вырастая из обычной городской застройки, Стена прорисуеться в мутной морозной дымке на горизонте, похожая на мираж, на контур заколдованного, вечно блуждающего циклопического города-призрака. Она явилась сюда из шизофренических вселенных Босха, из легенд о древнем Вавилоне, по крепостной стене которого могли проехать в ряд сразу несколько колесниц. Тридцать метров вверх, десять под землей, восемь в толщину. Несколько еще более высоких и мощных квадратных башен...

– Смотрите, герр штабс-капитан!

Он с усилием отрывается от своего миража. Кажется, еще секунда-другая, и на ум придет что-то важное.

– Извините, задумался.

– Смотрите, смотрите!

Лейтенант остервенело тычет пальцем в ошетилившиеся у обочины колючие сооружения, сваренные из кусков ржавого железа.

– Знаете, что это? Противотанковые заграждения времен Второй мировой войны! Русские оставили их как памятник. Линия, до которой смогли продвинуться к Москве немцы...

Голдстон представляет себе деда еврокомиссара Кнелла: тот стоит на обочине, самодовольно разглядывая в мощный бинокль башни Кремля. На нем тоже серая шинель, а еще приплюснутая железная каска и почему-то мотоциклетные очки. Он с ног до головы забрызган грязью, от него за версту несет потом, но в голове уже победно гремит Вагнер, ведь осталось каких-то жалких пятнадцать километров до окончания войны... Тут мир вокруг ослепляет бело-желтая вспышка, и словно огромная морская волна со всего размаха бьет автомобиль по лобовому стеклу. Звук взрыва Голдстон слышит как сквозь толщу воды, все летит кувыркком и он, вот парадокс, чувствует не страх или отчаяние, но расслабленное умиротворение. Стрельба пулемета напоминает успокаивающий ночной стук дождевых капель по железной крыше. Последняя мысль, уже совсем безразличная: «*Наконец-то*».

* * *

Пятеро в засаленных белых маскахалатах и разномастных шапках-ушанках мало походили на партизанскую засаду. Скорее на охотников, стерегущих кабана или оленя у лесной заимки. Кто сидя, кто лежа на присыпанном снегом полу азартно следили через пустые оконные проемы торгового центра за конвоем на шоссе, неотвратно приближающимся к воображаемой линии, соединявшей дорогу и наблюдателей. До отгороженной бетонным забором трассы было с километр, а то и больше, и оттуда не долетало ни звука. Миниатюрные, как с витрины игрушечного магазина, машинки – два БТР и легковушка – катились по снежному полю в торжественной тишине, нарушаемой изредка лишь завыванием сквозняка, поднимавшего в воздух ленивые хороводы из бумажных обрывков, пакетов и прочего мусора.

Один из партизан, скорчившись до предела, наблюдал за шоссе через окуляр защитного цвета ракетной установки, напоминавшей телескоп-рефлектор средних размеров. Красные, ошпаренные холодом пальцы с виду бесцельно крутили туда-обратно колесико под окуляром. Закрепленная на треноге ракета в футляре едва заметно перемещалась вслед за конвоем.

– Гады, километров под семьдесят едут. Стоит пробовать?

Стрелок на секунду оторвался от оптики, покосился на того, кто задал вопрос – худощавого, смуглого мужичонку с горбатым еврейским носом, видимо вожака группы. Тот сидел, оперевшись на одно колено, и в ребристый армейский бинокль тоже пристально разглядывал

дорогу. Из всего отряда у него одного голову покрывала не меховая шапка, а затертый кожаный треух с косо завязанными на голове ушами.

– Сейчас подъем начнется. БТР ее притормозит.

Мужичонка, опустив к шее бинокль, согласно кивнул, как бы разрешая попытку. Выражением какой-то лихорадочной радости на лице напоминал он сейчас заядлого ипподромщика, что угадал со ставкой и вот-вот сорвет солидный куш.

– Ворон! – шепотом окликнул его закутанный в белый маскхалат парнишка лет тринадцати-четырнадцати, чьи серые, еще по-детски удивленные глаза то и дело перебежали с дороги на сидевшего рядом стрелка.

Тот, кого называли Вороном, не отозвался.

– Ворон! – не унялся парнишка. – Зачем легковушку-то? Давай БТР!

Командир цокнул недовольно, отмахнулся матерным словом. Потом все-таки снизошел до ответа.

– Отвяжись, Колька. Достал уже.

Тем временем машинки на шоссе в самом деле замедлились на подъеме.

– Готов, – прохрипел стрелок, вдавливая палец левой руки в изогнутый как ятаган спусковой крючок.

– Уши! – зашипел Ворон, и партизаны в ответ не только дружно прихлопнули ладонями плотно прикрытые шапками уши, но и смешно приоткрыли рты.

Гулко бабахнуло, полыхнуло пламенем. Кольке, что неудачно сел слишком близко к ракете, перебило дыхание выхлопом. Он замотал в ужасе своей приплюснутой, слегка вдавленной в плечи головой, придававшей ему немного забитый вид, и, в конце концов, дернулся в сторону, задев по дороге ногу стрелка, все еще наводившего через прицел летящую к цели ракету. Прицел тоже дрогнул, и ракета, вильнув в сторону от легковушки, в последний момент поразила передний БТР. Броневики исчез в кучерявом облаке взрыва, а легковушка испуганно шарахнулась в сторону, секундой позднее тоже растворившись в черном, жирном чаду. Только сейчас до бетонной коробки докатился глухой, рокошущий звук.

– Идиот! Убить тебя мало!

Вскочив резво на ноги, командир размахнулся, насколько позволяло зимнее обмундирование, и наотмашь ударил парнишке кулаком в защищенное толстой шапкой правое ухо. Охваченный ужасом Колька тут же сварился, став в районе щек по-младенчески пунцово-красным. Он едва почувствовал через шапку командирскую оплеуху. А вот чувство стыда за то, что подвел товарищей, теперь жгло, терзало почище любой физической боли. На шоссе тем временем начал подаваться признаки жизни второй БТР, застывший после взрыва на месте. Двинул малым ходом назад, потом, опомнившись, принялся перепихивать из пулемета безразличные сугробы. Ворон упал ничком на пол, все вжалось в снег. Ближняя к месту происшествия дозорная башня тоже встрепенулась, начала крупным калибром работать по окрестностям. Но, похоже, опять вслепую. Пуск ракеты никто не засек. Надо было уходить.

– Мы эту шишку из Берлина еще поймаем. Никто от нас не уйдет, – злобно прохрипел командир, пятерней сдирая с лица снег. Видимо, никак не мог смириться с промахом.

– Чего загораем-то? – нервно отозвался стрелок. – Валить надо. Скоро вертолет прилетит.

Ворон опять выругался, дал команду уходить. Партизаны по одному, на полусогнутых, заспешили вглубь гигантского торгового зала, к лестнице. У Кольки от взбешенного командирского голоса внутри будто гранату подорвали. Вот-вот – и до губ доберется предательский, солоноватый вкус. Тут его глаза, подмоченные слезами раскаяния, уперлись в лежавшую неподалеку трубу «Иглы»⁴, завернутую в пахнущие смазкой тряпки.

– Ворон, я хочу остаться. Подождать вертолет.

---

⁴ «Игла» – название переносного зенитного ракетного комплекса.

Боец, что должен был прикрывать отход, тут же наострил уши, глянул с надеждой на Ворона. Был это мужик крайне неопрятного вида с мясистым, испытанным лицом, на котором горой рос громадный, похоже сломанный и оттого удивительно кривой нос.

Командир обернулся. Сморщив некрасиво лицо, заорал на Кольку:

– В машину! Быстро! Супергерой, мать твою... Уже раз выстрелил сегодня... Горбун, как ракету выпустишь, уходи к Юровской улице. До одиннадцати будут ждать тебя у школы. Понял?

Кривоносый бугай глянул на наручные часы с мутным стеклом, которые показывали почти десять. То ли обреченно выдохнул, то ли промычал согласно:

– Пооонял...

Колька, позабыв на время о вселенской скорби внутри, задумался: Ворон не разрешил остаться в засаде из жалости или осторожничает? Ведь не зря о нем говорят: никогда не рискует своими бойцами. Теми, кто знает, где бункер. Горбун, если поймают, гостей к ним не приведет. Чужой он, из мытищинского отряда. У Ворона – как это... *авторитет*, потому часть людей для каждой вылазки охотно дают ему другие командиры.

– Колька! Заснул что ли?

Встрепенувшись, Колька суетливо пополз на корточках через снежный зал. Ветер вслед ему тут же принялся энергично забрасывать мусором борозду на снегу, как будто состоял с партизанами в негласном сговоре. Кривоносый же снова тяжело вздохнул и аккуратно отогнул концы промасленной мешковины. Примерившись обветренными ладонями, приподнял осторожно похожую на старинный мушкет с раструбом «Иглу». Оба пулемета на дороге вдруг дуэтом замолчали. Но тишина была недолгой. Вскоре ее мало-помалу начал заполнять другой нарастающий звук. Стрекот подлетающих со стороны города вертолетов.

* * *

Командир партизанского отряда с позывным Ворон на самом деле относился к Кольке не хуже, чем когда-то родной отец. Можно сказать, три года назад подарил парню вторую жизнь. Подобрал его, полуживого, оставшего от родителей в суматохе массового исхода жителей из Москвы. Кольке, не евшему почти два дня, было уже все равно, куда и зачем его ведут. Лишь бы покормили. На его счастье, одетый в вылинявшую защитную форму бородач с безумными глазами оказался вовсе не извращенцем или торговцем людьми. Более того, встреча та обернулась для Кольки настоящей удачей. Когда начались в стране хаос и кавардак, ни Колькин отец, ни мать, ни один родственник или знакомый не понимали, что же надо делать. А вот Ворон понимал. Уже в отряде командир с гордостью давал почитать бойцам вырезки своих статей десятилетней давности, где он подробно и обстоятельно, будто какой-нибудь Нострадамус современности, предсказывал все грядущие напасти – переворот, военный путч, оккупацию. Более того, не терял зря времени, *готовился*. Даже верховодил одно время движением «выживальщиков». Это те, кто лазал по вонючим болотам, стрелял в тирах и учился разжигать костер бутылочным стеклом, пока нормальные люди не жили на турецких пляжах. Как раз под такие игры Ворон купил в глухом Подмосковье полусгнивший деревенский дом, выкопал под ним здоровенный подвал, забил его под завязку консервами, теплой одеждой, лекарствами. Здесь же на свой страх и риск схоронил десяток привезенных с войны на Украине «калашниковых» с запасом патронов. Когда *началось*, оставалось только набрать людей.

Их целью было не просто выжить. У Ворона, пусть многие и считали его чокнутым, имелись конкретные планы на будущее. Даже, скорее, один грандиозный, фантастический план – собрать заново рассеянный и обезволенный русский народ. Он, Ворон, откуда-то знал, что для того надо сделать. Миллионам людей, как вода схлынувшим из европейской России во все стороны света, нужна общая идея, что их захватит и внутренне преобразит, внушал командир

бойцам. А уже вслед за тем народ сам, словно шарики ртути, без труда слипнется в единый комок.

– Страны – они как люди. У каждой нации ей одной присущие черты, – вещал Ворон, устраивая в подвале, при свете стеариновых свечей, «уроки политической грамоты». – Немцы точны во всем, словно роботы. Французы верят, что выиграли все до единого сражения, в которых участвовали. Англичане считают остальные нации, кроме них самих, произошедшими от обезьян. А вот наш, русский человек, знаменит тем, что всегда ждет до последнего. Спит на печи тридцать три года, пока жареный петух – целая стая жареных петухов не начнет клевать в задницу. Чтобы, когда затрубят адовы трубы, вскочить на ноги и бежать спасать мир...

Дальше, за загадочными «адовыми трубами», шли исторические примеры. Смутное время после смерти Ивана Грозного. Отданная на сожжение Наполеону Москва. Вырождение царской семьи, безвольно передавшей вожжи русской тройки в лапы блудливого монаха Гришки Распутина. Почти проигранная Гитлеру война. Рухнувший от постоянной нехватки всего, чего можно, Советский Союз. Говорил Ворон не так, как обычно, а цветисто, по-старомодному. Как сказку рассказывал. Может быть, в самом деле считал партизан в смысле «политической грамоты» детьми-несмышлениками.

– Дело не в том вовсе, что русский человек по природе своей ленив и расслаблен, как нас западники убеждали, – внушал он бойцам. – Просто русские по отдельности словно и не существуют вовсе. Так, слоняемся без особого смысла... Толк от нас есть только как от народа. Когда соберемся вместе, в один хор, и грянем так, что небеса содрогнутся! Потому-то русским нужна общая, одна на всех идея в голове, что объединит и задаст цель. Вот тогда-то мы преображаемся! Успехов у нас те правители добивались, что не давали народу расслабляться, а ставили ему четкую задачу. Да, Петра I и Сталина вспоминают по-разному. Но первый сделал Россию европейской державой, а второй – мировой!

После Сталина, как понимал Колька ход мысли командира, с каждым годом становилось только хуже. Большая война с немцами, которую тот выиграл, на полвека сделала Россию великой и все ее шибко боялись. Но потом, из-за впавших в маразм правителей-старцев, в стране стало нечего есть и носить из одежды, потому она сама собой, по общему согласию, была упразднена и развалилась на куски. Дальше начиналась уже та часть русской истории, которую Кольке посчастливилось застать лично.

– Если же русского отпустить на самоопределение, то он тут же, прямо у тебя на глазах, начнет шерстью обрастать, – говорил Ворон и сам от своих слов, кажется, тоже зверел. Взгляд его становился пьяным, тяжелым. Лицо то и дело перекашивалось, словно собирался он кого-то укусить. – Когда коммунизм рухнул, мы, конечно, еще побарахтались, цепляясь за нефть и газ. Но было ясно уже – все гнилое насквозь, рванина, тлен, ткни пальцем – тут же развалится! А все почему? Потому что не было никакой цели! Народ бросили на обочине – подышать от водки и безделья, сами же припали к корыту и жрали, не думая больше ни о чем!

Колька хорошо запомнил, как ткнули пальцем и развалилось. Переворот. Жизнь вдруг взяла да и крутанулась с ног на голову. Сегодня вроде как обычно – люди снуют туда-сюда по делам, собачек в парке выгуливают, покупают телепрограмму в киоске на углу – а назавтра за окном уже стреляют. Ну да, до того были трудности с продуктами в магазинах. Не всегда удавалось купить колбасу и сыр, цены росли едва ли не каждую неделю. Начались демонстрации, почти каждый день в центре Москвы собирались толпы народа и требовали чего-то. Чего – непонятно. Как рассказывали по телевизору, в мире везде было несладко – безработица, войны, лихорадка какая-то заразная в Африке. Отец привел Кольку на такой митинг рядом с Кремлем уже после того, как он стал постоянным, с палаточным городком, полевой кухней и сценой для концертов и выступлений. Когда на сцену залез высоченный мужик с суровым лицом героя боевика и, как певец, жадно схватил обеими руками стойку микрофона, толпа радостно загудела. Колька догадался, что это предводитель.

– Мы не уйдем отсюда, пока они не отдадут власть народу! – выкрикнул предводитель отчего-то слегка писклявым голосом. – Там, за этой стеной, сидят люди, укравшие у нас миллиарды! Они должны предстать перед судом! Они пугают нас хаосом – но хаос это то, из чего рождается новое! Читайте мифы Древней Греции!

Завершив под овации речь, киногерой спустился по лесенке со сцены, жал всем руки, красиво улыбался неестественно-белыми, как из рекламы жвачки, зубами и раздавал автографы. Прошло еще с месяц – и он, потрясая кулаком перед десятками телекамер журналистов, повел обитателей палаточного лагеря на штурм красных зубчатых стен. Было это, кажется, сразу после того, как доллар подешевел за день в два раза, и Колькина мать радостная бегала туда-обратно в обменный пункт покупать американские деньги. Кремль сдался на удивление легко, без крови и пострадавших, словно устал от вечно галдящей у себя под боком толпы и хотел, чтобы все поскорее закончилось. Победители для начала собрали временное правительство и решили написать новую конституцию. Как объяснил Кольке отец, сборник законов, по которым все вокруг должны жить. Но, видно, конституция писалась не очень, так как жизнь становилась только тяжелее. Продукты теперь были по карточкам, Москва опустела, многие разъехались по дачам. После девяти вечера на улицу уже не выйти: могли ограбить или даже пырнуть ножом. Из каких неведомо щелей повылезали банды мародеров, что без разбору грабили и жгли магазины. Колька все надеялся: вот-вот явится двухметровый, белозубый дядька и наведет порядок. Но шли недели, месяцы, а он все не приходил. Видно, не одному Кольке надоело ждать. Однажды утром, воняя дизельным нимбом, на столичные улицы выкатились танки какой-то подмосковной дивизии. Так Колька узнал слово «путч», на его вкус ужасно звучащее и описывающее скорее проблемы с пищеварением. Ну а потом вообще начался сущий ад: война, эвакуация, бандитские налеты...

Ворон, напротив, очень был доволен тем, что все догнило до самого основания и вот так, с треском, рухнуло.

– Теперь можно строить с нуля! С самого фундамента! – говорил он и многозначительно поглядывал на Кольку, будто ожидая в ответ такого же непростого взгляда. Затем начинал перечислять, как же будет выглядеть эта стройка.

Пункт первый, самый насущный – изгнать интервентов. Пункт второй – устроить публичный суд над теми, кто низвел страну до такого позорного состояния. В виновники Ворон записывал как прежнюю власть, так и белозубого предводителя, которого загадочно именовал «пятая колонна». Пункт третий звучал для Кольки туманно: «довести до конца Октябрьскую революцию, установить подлинное народовластие». Четвертый и все дальнейшие пункты числом, кажется, двенадцать Колька вообще не помнил. Возможно потому, что самому Кольке вполне хватило бы исполнения одного первого пункта, вслед за чем он собирался немедленно отбыть в Крым, на родину отца, куда три года назад, как хотелось верить, благополучно добрались родители с младшей сестренкой. Застать всех врасплох, возникнув однажды на пороге – вытянувшимся сантиметров на тридцать, раздавшимся в плечах, в военной форме, с парой орденов, которыми Ворон обещал наградить после победы. Сказать – между прочим, словно расстались неделю назад:

– Ну что, не ждали? Забыли уже меня наверное?

Потом начнутся охи, ахи, слезы-сопли, рассказы о боевых подвигах и, конечно же, застолье. Все выйдут в цветущий сад – а Колька верил, что победа опять непременно случится весной – и на столе под белоснежными от цветов деревьями будут стоять *они*, пироги с яблоками, мясом и черникой. Мать пекла их обычно по воскресеньям. С самого утра замешивала тесто и ставила под письменный стол в белой эмалированной кастрюле. Колька знал: тесто должно *подойти*. Доползти до самого верха. Видимо, чтобы получилось пирогов побольше. Он тайком лазил под стол, стаскивал с кастрюли марлю и увлеченно тыкал пальцем в пухнувший, казавшийся живым, упругий шар. Сколько ни объясняли ему, что происходит в кастрюле с научной

точки зрения, саморазрастание теста так и осталось для Кольки тайной, созвучной с самой тайной жизни. Потому, когда тесто раскатывали и резали, он в раннем детстве отворачивался, жмурил глаза. Жалел его, как кошку или птичку. Когда же мать укладывала стройные ряды белесых заготовок на противень и обмазывала их яичным желтком, Колька убежал в самую дальнюю комнату их просторной квартиры, всегда пустую гостиную с кожаной мебелью и гра-вюрами на стенах. Забирался с ногами на высокомерный, холоднокровный диван и терпеливо ждал, перелистывая толстенный анатомический атлас. Когда запах пирогов пробирался, наконец, в гостиную, это означало что-то вроде приглашения. Можно бежать на кухню, снимать первую пробу. Здесь, в отряде, Кольке часто снился этот расплзающийся по дому запах. Теп-лый, наполняющий истомой, сытостью и ощущением того, что *все хорошо*.

* * *

За все то время, что были они знакомы, Колька крайне редко видел Ворона доволь-ным. Разве что после очередной дерзкой боевой операции, когда все удавалось повернуть эффектно и без потерь. В такие моменты Ворон походил чем-то на блин – горячий, только что подрумяненный на раскаленной сковородке да еще смазанный щедро сверху сливочным мас-лом. Так вот, последние недели блинное выражение удивительным образом почти не сходило с лица командира. Колька на этот счет искренне недоумевал. Обычно Ворон был сух, замкнут, придирчив даже к мелочам. Сейчас же, после позорного Колькиного провала, даже не настоял на продолжении моральной экзекуции. Напротив, по возвращении в бункер неожиданно вру-чил плитку побелевшего от времени шоколада.

– На, отпразднуй, Головастик. Тринадцатый с начала года БТР как-никак. Чертова дюжина.

Пока Колька, пытаясь не растратить ни единой крошки, тупо, по-коровьи пережевывал засохшую, с привкусом пластмассы шоколадку, голова сосредоточенно размышляла над при-чинами великодушия Ворона. Отматывала назад серые, одинаковые дни, пытаясь вычислить, когда и почему с командиром случилась чудесная перемена. Колька долго перебирал, рассмат-ривал так и эдак воспоминания, пока, наконец, его не осенило.

Конечно же, Диггер!

Нарисовался этот тип на горизонте пару месяцев назад. Новички вообще-то были редко-стью, но его будто сама судьба подбросила. Ворон тогда замутил с другим отрядом дерзкую операцию – налет на конвой с топливом на Киевском шоссе. Когда уходили под обстрелом, к ним прибился чужой мужичонка-партизан. Неприметный такой, росточка метр с кепкой, воз-раст – лет за сорок, если судить по седым подпалинам в блестящих, словно вымазанных салом иссиня-черных патлах. Только глазенки – острые, непоседливые, любопытные, шныряют туда-сюда словно у хорька. Уже оставшись в отряде, чужак рассказал, что до войны работал парик-махером – история, Кольку жутко насмешившая. Парикмахер – и в партизаны! На том сюр-призы не закончились. Во время первого же разговора с командиром парикмахер провозгласил себя убежденным анархистом. Верил он, другими словами, в то, что люди могут прожить своим умом, без всякого государства или правительства. Ворон, пусть и считался «государственни-ком», против бойца-анархиста возражать не стал. Сказал: «Лучше человек с противополож-ными убеждениями, чем вообще без них». В отряде парикмахер вел себя скромно и тихо. До тех пор, пока однажды вечером после стакана самогона – полного, с краями – не влез в спор о том, как лучше выкурить из Москвы интервентов:

– Стена говорите? Высокая? Не перелезть? Даже по пожарной лестнице? Ой, ой, ой... А если мозги включить? Заржавели? Так, за подсказку плесни еще сто грамм... Теперь скажу. Под Москвой, чтоб вы знали, выкопана хренова туча тоннелей. Можно с окраин хоть до Кремля

дойти. Было время, я от Сокольников дополз по коллекторам до самого «Метрополя». Вонь потом неделю с себя отмывал...

Ворон нередко подслушивал вечерами треп партизан – хотел быть в курсе, как он это называл, «настроенный масс». Потому Колька вовсе не удивился, когда командир возник вдруг из полутьмы подземелья и шагнул к электрической печке, вокруг которой бойцы, сидя на пустых ящиках, вдыхали по-наркомански жирный запах кипящей в ведре лосятины. Обшарив взглядом новичка, ухмыльнулся. Обронил небрежно странное слово:

– Значит, ты у нас *диггер*? Пойдем, поешь у меня. Расскажешь про былые подвиги.

Так у новичка-парикмахера и появилось прозвище. Диггер. Кольке потом объяснили: диггерами называли отморозков, что в поисках острых ощущений, рискуя жизнью, шатались по подземным коммуникациям и нередко там гибли. Командир же с того самого дня начал обхаживать хорьковидного парикмахера. Теперь они проводили вместе едва ли не каждый вечер, уединяясь в комнатке Ворона в бункере. Колька из ревности между делом даже заподозрил командира в противоестественной любви. Но, к его большой радости, все объяснилось иначе. Однажды вечером, проходя мимо командирской каморки, он обнаружил дверь туда слегка приоткрытой. Не сумев побороть нахлынувшего искушения, встал неподалеку, прислушиваясь. Ворон и парикмахер вполголоса, но горячо обсуждали тоннели метро и, похоже, рисовали какую-то карту.

«Диггер, похоже он», – сделал Колька окончательный вывод и энергично задвигал челюстями. Домучив шоколадку, торжественно извлек из рюкзака драгоценный трофей, подушечку мятной жвачки. Ничего не поделаешь, гены. Отец – стоматолог. Чуть ли не с пеленок помешан Колька на здоровых зубах. Среди партизан, понятное дело, ухищрения по борьбе с кариесом не находили должного понимания. Какой тут кариес, если не уверен, будешь ли жив через неделю? Но Колька не поддавался, во всем проявлял упрямство, а тут вообще стоял как скала. В конце концов, и покойник лучше смотрится со здоровыми зубами, разве нет? Пожевав мятную субстанцию ровно три минуты, аккуратно достал изо рта то, во что превратилась белоснежная подушечка с гладкими боками. Вздохнув с сожалением, тщательно завернул бесформенный комочек в кусочек военной карты и улегся на железную койку, выдавив спиной из сетки надрывной, недовольный скрип. Обычно вслед за тем он тут же проваливался в бесчувственный, хотя и тяжелый из-за закупоренного пространства сон. Но сегодня отчего-то не спалось. Мятный привкус во рту растравил воображение, извлекая из памяти яркие, сгоняющие сонливость образы. Кольке пригрезился районный супермаркет через дорогу от дома. Вот он заходит внутрь через бесшумно раздвигающиеся двери. Видит у кассы россыпи жвачки всевозможных форм и расцветок, как разложенные по сундучкам драгоценные камни в пещере Али-бабы. Подходи, загребай горстью, набивай карманы! Тогда немислимое это изобилие оставляло его равнодушным, а сейчас он безмерно рад пережевывать по три раза одну-единственную подушечку. Почему? Может, жвачки – или чего-то там еще – не должно быть сильно больше, чем человека? Иначе не почувствовать толком, не порадоваться? Может, вообще жизнь нормальная накрылась от того, что вещей стало слишком много? Люди не жили, а вещи выбирали – каждый день, каждую минуту. Получше, повыгоднее. Жизнь текла себе и текла, а они стояли в сторонке, спиной к ней. Как на новогодней распродаже копались в куче шмоток, ничего больше не замечая. Колька и сам не знал в точности, что хочет обозначить словом «жизнь», но при том осознавал: она существует сама по себе, и люди вовсе не творцы ее и главные действующие лица. Нет, скорее пассажиры, что могут войти в поезд или выйти из него на станции. Поезд этот ведут не они, а машинист, которому, по большому счету, до пассажиров дела мало, а нужно перегнать в целостности и сохранности состав из пункта А в пункт Б... Сделав этот парадоксальный вывод, Колька немедленно ощутил чудовищную, превышающую последнюю меру его сил усталость и тут же заснул без задних ног.

* * *

Голдстон пришел в себя от того, что ему словно шилом кольнули точно в затылок. Резкий запах лекарства. Голове было горячо, остальное тело мерзло, как в холодильнике. Он лежал на мягком то ли пледе, то ли одеяле. Вонь резиновой гари жгла горло, заставляя дышать мелкими рыбьими глотками. Все вспомнилось сразу, как в лицо плеснули ледяной водой.

– Партизаны... Взрыв...

Из темной туманности, клубившейся в голове и мало-помалу снова подчинявшей сознание, ему ответил голос. Он потом не раз пытался в точности вспомнить его. Размышлял, кто же с ним говорил – да и говорил ли вообще.

– Вы в полной безопасности. Считайте, что родились заново.

Соскальзывая обратно в темноту, Голдстон при том сознавал, что поднимается в воздух. Он – или его душа. Как-то сразу поверилось, что она в самом деле у него есть. Он в ужасе замер, обратив свое длинное тело в антенну и стараясь уловить идущие изнутри сигналы. Сигналы явно шли, причем не затухая. Жив. Точно жив. Разве что голова не в порядке. Вот-вот сама готова взорваться. Только когда ему вкололи что-то в плечо и протерли лицо, адская боль начала отпускать.

Обезболивающее вытолкнуло тело в соседнее измерение, погрузило в многослойную смесь реальности и сна. Голдстон ясно воспринимал все, что видел вокруг, однако ему тут же казалось, что он вовсе не лежит на носилках, а свободно плавает в некоей коконоподобной емкости, заполненной маслянистой, выталкивающей его пробкой наверх жидкостью. Жидкость вязко колебалась в зависимости от крена вертолета. В момент посадки нос задрался вверх, и Голдстон очень испугался, что она выплеснется наружу и разольется по всему салону. Когда носилки вытащили из вертолета, краем глаза он заметил еще одни. Прямоугольный профиль. Глаза закрыты. Вспомнилось имя: Марчелло. Бедняга, так и не успел уехать отсюда. Россия вообще жестока к итальянцам. Под Сталинградом их перебили сорок тысяч. Зачем они были там? Все равно никакого толка... А вот итальянская паста – это здорово. Лучшую пасту в Оксфорде в годы его юности делали в забегаловке «Бар Джо» в Саммертауне. Еще там подавали отличные бараньи ребрышки...

От мысли о жареной баранине затошнило. Покачиваясь, в поле обзора всплыли верхние этажи лилового здания с похожими на бойницы квадратными окнами. Здание нависало над ним, беспощадно вдавливая в землю своей непереносимой тяжестью. От испуга он опять закрыл глаза. По ушам ударил металлический звук, как будто рядом волокли лист железа по асфальту. Механический голос прогреготал по-русски: «Этаж номер шесть».

– Что с ним?

Говорила невидимая молодая девушка, наверное медсестра. Как показалось, совсем сухо, без малейшего сочувствия.

– Внешних повреждений нет. Но взрыв был сильный. Машину выбросило с дороги.

– Взрыв? Где?

– На шоссе из аэропорта. Немного не доехали до Стены.

Смысл слов, преодолевая вязкое сопротивление маслянистой жидкости, доходил с существенной задержкой. Только когда разговор иссяк, Голдстона осенило: он в ловушке, за стеной, окружающей город по периметру. Это открытие сначала вызвало шок, следом приступ суетливой паники. Немедленно бежать! Сначала отсюда, потом из города! Собравшись с силами, он попробовал выбраться из ванной, в которой плавал. В последний момент его подхватил за китель взявшийся из ниоткуда человек в голубоватой одежде. Голдстон уже успел увидеть прямо перед собой кофейно-коричневый, блестящий от яркого освещения пол.

– Куда, куда?!

– Имя... имя, – бормотал Голдстон, не в силах больше приподняться над носилками. – Надо вспомнить имя... Кто я такой?

– Откуда я знаю... – беззлобно отмахнулся санитар. – Мне просто сказали отнести вас на шестой этаж.

Носилки занесли в морозно-белый кабинет, где все тело тут же свело от мелкой, наждачной дрожи. Масляная жидкость начала быстро покрываться морозной коркой. Стало жутко – что, если он окажется замурованным на дне емкости под толстым слоем льда?

– Лед, надо ломать лед! – лепетал Голдстон, когда в кабинет вошли еще люди.

Словно догадавшись, что его беспокоит, двое из них приблизились к Голдстону и протянули к нему руки в желтоватых латексных перчатках. Сознание, сосредоточившись на этих руках, странным образом тут же приблизило их, выделив из всего, что было вокруг. Четыре гигантские руки существовали сами по себе, словно инопланетная, чужая форма жизни. Они легко прошли через лед и тот треснул. Голдстон, вынырнув на мгновение из своего полу-сна-полуяви, догадался, что его раздевают. Вдруг стало стыдно. Он пробовал сопротивляться, бормотал: «Не надо, я сам». Эти потуги отняли последние силы, и, не удержавшись на границе между сном и явью, он начал быстро соскальзывать куда-то в темные глубины.

* * *

– Еще один.

– Когда же они, наконец, закончатся?

– Сам знаешь когда... Эй, пора уже прийти в себя!

Кто-то от души дубасит его по щекам. Даже не ладонью, а, скорее, почти сжатой в кулак пятерней. Глаза открываются нехотя – похоже, его не ждет ничего хорошего. В самом деле, он очутился в престранном месте. Похоже на полутемный просторный гараж. Лежит на чем-то, напоминающем каменный стол. Спина, руки, ноги – все одеревенело от дикого холода. Он пробует двинуть ногой – но та, как мертвая, даже не шевелится.

– Не гони, не гони... Минут десять надо просто полежать... Этот пришел в себя, пойдем к следующему.

Первой мало-помалу отходит голова. Он поворачивает ее сначала направо. Там, похоже, такой же «стол» – на самом деле здоровенная скамья на фигурных звериных лапах. На ней распласталась голая, заплывшая жиром женщина. Рыжий бородатый детина, одетый в подобие короткой туники из серых тряпок, трясет ее за плечи. Серое, изъеденное оспинами лицо бородача одновременно выражает и отвращение, и злорадство:

– Пора просыпаться! С недобрый утром!

Слева – еще один стол, с неподвижным мужским телом. Нескладный, чудовищно худой парень в такой же, как и рыжий, мешковатой тунике дергает тело за руку, приговаривая неуверенно, почти с испугом:

– Просыпайся! Вставай!

– Когда ты наконец научишься? – рыжий, кажется, недоволен. – Иди-ка, отведи лучше вот этого. Через минуту он сможет ходить.

И показывает на Голдстона.

Послушно кивнув, худой исчезает на время из поля зрения и снова появляется уже с каким-то бесформенным тюком, который бережно прижимает к груди.

– Одевайся! – говорит он все так же боязливо и бросает сверху на Голдстона комок колючей мешковины. Теперь Голдстон понимает – на нем тоже совсем ничего нет.

– Куда его отвести?

– Сейчас, дай глянуть...

Рыжий оставляет толстуху, что по-прежнему не подает никаких признаков жизни, и удаляется в невидимую глубину комнаты.

– На пятой улице позавчера забрали жильца, – наконец подает он голос. – Номер сорок девять. Веди его туда. Только не болтай лишнего!

Когда рыжий возвращается, в руках у него черная лохматая плетка с металлическими проблесками. Встав спиной к Голдстону, он упруго размахивается, потом раздаётся короткий свист и хлесткий удар мертвой кожи по живой. Женщина тихо стонет.

– Ну наконец-то, – радуется рыжий. – Вставай, у меня сегодня еще около сотни гостей...

Тощий тем временем пытается привлечь к себе внимание ошалевшего от увиденного Голдстона.

– Пойдем, надо спешить...

Когда Голдстон встает на ноги, взгляду открывается прежде невидимая часть помещения с серыми, но не бетонными стенами и крохотными, размером с книгу оконцами, через которые льется такой же сероватый мутный свет. Вдоль стен навалено что-то бесформенное. Свет проходит через оконца тоже с той стороны, видно еле-еле, потому только у выхода Голдстона озаряет – это человеческие тела, десятки голых неподвижных тел. Ужас, выжимающий из лба липкий пот, настигает его уже за дверью.

– Кто, кто эти люди? – бормочет он, тыкая пальцем себе за спину.

– Они ждут своей очереди, – отвечает тощий. – Скоро тоже проснутя.

Голдстону сводит внутренности от отвращения. Неужели совсем недавно он лежал, как расчлененная мясная туша, в этой куче? Хочется залезть в душ, отмыться, отдраить себя от следов чужой человеческой плоти. Но с душем в этом странном месте наверняка проблемы. Оно выглядит как масштабная декорация к съемкам фильма о далекой древности. Его ведут по мощенной неровными желтоватыми камнями кривой улочке, вдоль одноэтажных, кособоких глиняных домов с плоскими крышами и крохотными окнами-бойницами. Небо чистое, без единого облачка, но странно тусклое и тоже с желтым оттенком. Время от времени порывистый, горячий ветер пригоршнями бросает в лицо едкую кислотную пыль – такую противную, что каждый раз приходится покорно упирать взгляд себе в ноги. Не говоря друг другу ни слова, они медленно тащатся вверх по улочке, пока не сворачивают на что-то, напоминающее площадь. Голдстон тут же замирает в изумлении: площадь плотно забита людьми. Все точно в таких же, как и у него, нарядах из мешковины. Большинство молча стоят на месте, другие негромко беседуют друг с другом.

– На площадях жильцам раздают хлеб. Два раза в день – сразу после рассвета и перед закатом.

Тощий ведет его через толпу, пару раз здоровается с встречными. Люди выглядят вроде бы совсем обычно, но многие заметно нервничают, вздрагивают, когда замечают новичка. Вдруг кто-то восклицает:

– Это же Иблут! Да? Так тебя зовут?

Голдстон недоуменно скидывает взгляд. Лысый толстяк вперил в него светлые, почти бесцветные глаза.

– Нет, нет... Это не мое имя...

– Но если не Иблут, то кто?

– Может быть Даннум?

– Хадум?

– Кишум?

Вокруг сжимается кольцо из людей. Каждый пытается назвать его по-своему. Голова начинает будто вращаться вокруг своей оси, толпа колыхается, плывет, сливается в одно серое пятно.

– Как же тебя зовут? – спрашивает наконец его спутник. – Скажи им!

Он морщится, шарит внутри головы – нет, ничего. Хадум, Кишум, Иблут.

– Не знаю. Не помню.

Толпа неожиданно отзывается радостным гулом и быстро расходится.

Когда они достигают другого конца площади, Голдстон, наконец, оглядывается по сторонам. Место это находится на возвышении. От площади во все стороны уходят кривые уродливые улочки с одинаковыми кособокими домишками. По линии горизонта город опоясывает уходящая в небо, невероятно ровная, как подрезанная сверху, горная гряда. Или не гряда?

– Что это? – спрашивает он у тощего.

– Стена, – отвечает тот нехотя. – Она защищает нас.

– Защищает? От кого?

– Говорят, от какой-то живой тьмы. Наверняка знают только жрецы. Но лучше не спрашивай меня об этом.

– Почему же?

Тощий молчит, отвернув голову в сторону. Кажется, едва удерживается от того, чтобы не зажать себе рот рукой.

– Зачем нужны жрецы?

– А ты не расскажешь, что я проговорился?

– Нет, не бойся.

– Они отдают нас Стене. Каждый день приходят к жильцам и забирают кого-то с собой.

– Отдают?

– Оставляют внутри. Закладывают камнями и оставляют. Стене нужны наши силы, чтобы выстоять.

Потом провал в памяти. В себя он приходит, лежа на жесткой кровати в крохотной полутемной комнатке. В голове одна-единственная мысль: вот-вот за ним должны прийти. И правда – раздается настойчивый стук в дверь. Звук все сильнее, объемнее – кажется, еще немного, и взорвутся барабанные перепонки. Не в силах выносить грохот, он бросается на дверь, распахивает ее – и слепнет от потока холодного белого света.

* * *

Глаза открылись с усилием, словно на каждое веко, как покойнику, положили сверху по старинной тяжелой монете. Взгляд сразу уперся в круглый белый циферблат часов на стене. Они показывали одиннадцать. Вечера? Утра? Больничная комнатка с наглухо задраенным окном и кондиционером. Приглушенный свет вделанных в потолок мини-ламп. Голдстон лежал в кровати под простыней, и на нем, кажется, ничего не было, кроме белья. Он попробовал шевельнуть рукой, ногой. Откинув простыню, внимательно осмотрел худое и какое-то слишком белое тело. Справа на груди зеленел здоровый синяк. Когда решил приподняться, появилось ощущение, что в голове плещется вода. Встал, по-индийски завернувшись в простыню, прошелся босиком туда-обратно по кафельному полу. Голова подкруживалась, слегка шатало, глаза воспринимались как две болевые точки – но не более того. Ярко, во множестве деталей, вспомнился пыльный кособокий город. Господи, что это было? Сам до такого не додумаешься – морг наоборот... Точно не сон, скорее похоже на галлюцинацию. В колледже, помнится, по дурости сжевал таблетку какой-то веселящей дряни, эффект был похожий. А разбудил его, скорее всего, стук в дверь. Кто-то приходил и ушел не дождавшись ответа. Через полчаса, когда Голдстон, сидя на кровати, все еще тупо размышлял, что предпринять, в дверь опять постучали. Едва в палату вступил полноватый, с добродушным лицом врач в голубом одеянии, Голдстон заметно подался назад, будто увидел привидение. Гость был ярко-рыжий, с короткой, округлой огненно-рыжей бородой, обрамлявшей его лицо, как лучики света диска солнца на детских рисунках.

Увидев пациента сидящим на кровати, прямо с порога деловито обронил:

– А, наконец вы пришли в себя! Как самочувствие?

Голдстон наморщил лоб, пытаясь задавить головную боль.

– Кажется, жив. Но вам, наверное, виднее?

Врач в упор не заметил шутку. Взял молча стул, сел напротив.

– Что-нибудь болит?

– Голова. То есть сейчас она болит, а прежде раскалывалась.

– Вы понимаете, где находитесь и какое сегодня число?

– Подозреваю, что в какой-то московской клинике. Я прилетел пятого марта, в четверг.

У меня здесь много дел, потому надеюсь, что сегодня максимум шестое.

Врач кивнул, словно услышав правильный пароль.

– Да, вы в госпитале для командного состава. Сегодня шестое марта, пятница... Свет не беспокоит?

Голдстон попробовал улыбнуться:

– Когда вспоминаю, что выжил, то не очень.

– Видите ли... Из-за контузии обычно сильно повышается раздражительность.

– Каков диагноз целиком?

– Помимо контузии только пара гематом. Ну и отходняк после сильного обезболивающего.

Голдстон наострил уши.

– Очень сильное? Как наркотик?

– Да. А что?

– У меня было что-то похожее на галлюцинации. Я, кажется, видел вас – но... очень странно.

Врач с готовностью закивал головой, словно как раз это и собирался обсудить.

– Придется понаблюдать вас здесь недельку-другую.

– Понаблюдать?

Слово прозвучало неприятно, будто речь шла о подопытном животном.

– Да. Видите ли... – на лбу у врача сошлась скорбная вертикальная складка. – Мы сделали энцефалограмму мозга, и она выглядит... довольно необычно. Есть подозрение, что участки коры пострадали от декомпрессии. Галлюцинации могут быть следствием. Знаете, в беспамятстве вы вели себя крайне нестабильно. Все время хотели убежать из города...

Голдстон быстро отвел взгляд. Спросил, прикрывая панику глупым смешком:

– Что, есть правила, как вести себя в беспамятстве?

Складка снова разделила лоб врача. Вот-вот скажет свое снисходительное «видите ли».

– Видите ли...

– Можно без «видите ли»?!

Рыжебородый покосился на дверь. Кажется, уже обдумывал пути отступления. Голдстон, испугавшись, что сейчас его окончательно запишут в психи, торопливо вставил:

– Сами говорили – у меня раздражительность от контузии.

Врач кивнул головой. Извинения принимаются.

– Штабс-капитан, я просто не имею права выпустить отсюда человека с подозрением на психические отклонения. У нас тут очень специфическая обстановка. Даже нормальные люди легко сходят с рельсов... Хотите открою небольшую служебную тайну? Никогда не слышали про синдром Стены?

Голдстон сглотнул сухим дерюжьим горлом.

– Нет. В чем симптомы?

– Навязчивое желание вырваться за Стену. Куда угодно, хоть к партизанам. Стена, которая вроде бы защищает, воспринимается как угроза. Только зафиксированных случаев почти

тысяча за два года. Каждый сотый из проходивших здесь службу. Третью заболевших сошли с ума. Согласитесь, рискованно выпускать вас в город, не разобравшись до конца.

Голдстон завис на пару секунд, потом неуверенно спросил:

– И что же говорит наука?

– Да все банально. Разновидность клаустрофобии. Один мой коллега даже занялся исследованием средневековых летописей. Хотел проверить, не случалось ли подобного, когда люди долгое время – месяцы, а то и годы – жили в осажденной крепости. Подробно, к примеру, исследовал осаду католиками протестантской Ла-Рошели в начале семнадцатого столетия...

Рассказ о невероятных страданиях гугенотов, которые от голода ели собак, кошек и друг друга, дал время сосредоточиться. Голдстон понял, каким был идиотом. Когда врач наконец закончил, он выложил козырь, все это время лежавший у него под рукой:

– Давайте начистоту. Совсем не против того, чтобы понаблюдаться. Если честно, не был в отпуске уже три года. Но *видите ли*, я здесь, увы, не сам по себе, а с конфиденциальным поручением еврокомиссара по делам вооружений. Любую задержку нам придется объяснять начальству в Берлине. Вы готовы к такому повороту?

Упоминание Кнелла, в самом деле, чудесным образом развернуло ход словесного поединка. Врач, глядя в потолок, довольно фальшиво изобразил сцену раскаяния.

– Поймите правильно, никто не говорит, что вы псих. Кризис очень переформатировал наше мироощущение. Вся жизнь теперь – постоянная, ни на минуту не прекращающаяся осада. Включишь телевизор – там война, мигранты, эпидемии. Неудивительно, что хочется куда-то сбежать... Давайте поступим так – вы просто побеседуете с нашим психиатром. А потом можете отправляться на все четыре стороны. Как вам такой план?

Голдстон попробовал нащупать глазами на лице собеседника возможный подвох. Нет, кажется ничего подозрительного.

– Договорились.

– Вот и славно. Кстати, где вы собирались остановиться? Куда вас отвезти?

– Канцелярия оберста Свенссона посоветовала мне гостиницу при штабе в Кремле.

Рыжебородый уважительно поцокал языком.

– Обычных смертных вроде меня к Кремлю и близко не подпускают. До войны хоть можно было на экскурсию сходить. Приехать туристом.

Когда врач ушел, Голдстон без сил растянулся на кровати, пытаясь успокоить пульсирующие толчки внутри головы. Вот оно что. Триста человек сошли с ума. Только здесь, в Москве. А ведь есть такие, как он. Внешне благополучные, скрывающие свои фобии. Есть те, кто делал рейтинги бесчисленным телерепортажам о строительстве Стены. За всем этим должны скрываться какие-то очень могущественные силы. Схожие с законами физики, объективные и вездесущие, способные воздействовать на поведение одновременно миллионов людей.

* * *

Тверская улица сразу, в лоб, напомнила слепок с лондонской Риджент-стрит⁵. Тот же знакомый, вытянутый изгиб – словно вмятина от громадного бумеранга. Но главные цвета, серый и коричневый, были не английскими. Принадлежали тому самому, так и не сотворенному до конца миру, который открылся вчера Голдстону с трапа самолета. Серо-коричневая гамма, как маскировочная сетка, укрывала массивные ампирические здания, делая их зыбкими и нечеткими, почти потусторонними. Но едва Тверская оборвалась и автомобиль выкатился на дальние подступы к Красной площади, серое, действительно, безоговорочно уступило красному.

– Знаете, что Кремль сначала был белым? Перекрасить его приказал Сталин после войны.

---

⁵ Риджент-стрит – одна из главных улиц Лондона.

Голдстон вздрогнул. Неужели водитель читает мысли? Потом подумал – ничего сверхъестественного. Цвет определяет что-то очень важное для этого монохромного мира. Только вот что именно?

Автомобиль ехал со скоростью пешехода. Угловая кремлевская башня медленно росла, надвигалась, закрыв в конце концов весь обзор. Пораженный, Голдстон не мог оторвать взгляда, чувствуя себя крошечным, почти не существующим, и, вместе с тем, находя в том сильное удовольствие. Какое-то воспоминание легко, по касательной кольнуло мозг. Тут же отскочило, растворившись в темноте. Когда машина притормозила у железного ограждения, Голдстон торопливо опустил стекло и высунулся наружу. Было уже довольно темно. Светящиеся алые звезды двух кремлевских башен плавали на недостижимой высоте в морозном, колком, как газировка, воздухе. Он сам, напротив, обретался где-то на дне глубокого, тесного ущелья, пролежавшего между стеной Кремля и громоздким неосвещенным зданием слева. После этой черной дыры Красная площадь показалась безмерно просторной и невыносимо светлой из-за бесчисленных лучей софитов, пронзавших тут и там молочную полутьму серебристыми отточенными иглами. Лишь мавзолей, похожий на плотно сбитый шоколадный торт, придавил ненадолго своей гранитной тяжестью, проплыв торжественно справа за окном. Голдстон подумал: странно, этот языческий зиккурат на удивление ловко вписался в общий рисунок площади. Те, кто поставил его здесь, сознательно или нет принимали историю, обустроившую площадь задолго до них, хотели стать ее частью. А потом впереди, за лобовым стеклом, будто взорвался цветной салют. Веселый, бесшабашный, почти карнавальный собор на другом конце площади. И Голдстон наконец припомнил то, что не удалось с первого раза вытянуть из закоулков памяти.

Лет в шесть дед Юрий Дмитриевич подарил ему на Рождество елочную игрушку – собор Василия Блаженного. Она была небольшой, с дедов кулак. Но все пять или шесть разноцветных башенок с куполами-луковками, все крестики и окошечки, даже узорные точки на куполах были отлиты очень искусно, потому игрушка смотрелась точной копией собора в миниатюре. Это невероятное сходство отчего-то впечатлило воображение маленького Джона. Он представлял, как становится совсем крошечным, меньше гулливеровских лилипутов, и забираться внутрь. А там – бессчетное число лестниц, переходов и секретных дверей, которые могут вести куда угодно, даже на другие планеты. Неудивительно, что в своих снах он часто бродил внутри собора, тыкаясь раз за разом в эти двери и пытаясь их открыть. Двери поддавались с трудом, как будто кто-то держал их с другой стороны. Джон мучился, толкался и просыпался на последнем усилии, так и не прорвавшись в иные миры. . . Детские воспоминания на минуту снова превратили Голдстона в ребенка. Он разглядывал Кремль, а видел перед собой заколдованный замок. Бесстрашному рыцарю Джону Белобрысому суждено провести здесь несколько ночей. Вступить в схватку с ужасными монстрами и неведомыми тварями. Освободить из заточения местную красавицу и, в конце концов, увезти с собой в Берлин сундук с бесценными сокровищами.

Офицер службы безопасности, встретивший его у Спасских ворот, оказался издевательски длинным и худым типом. Один в один его знакомый из города за циклопической стеной. Когда миновали арку ворот, очутившись внутри Кремля, Голдстона снова качнуло куда-то на серые, покрытые едкой пылью улицы. Он с силой сжал кулаки, пытаясь зацепиться за реальность. Как ни странно, это помогло. Уладив формальности, лейтенант нерешительно поинтересовался:

– По утвержденному ранее графику у вас в шесть встреча с оберстом Свенссоном. Но после всего, что произошло, он готов перенести ее на другой день. . .

«Откажись, немедленно откажись!» – горячо воззвало к Голдстону только-только воскресшее тело, но холодная логика тут же остудила этот позыв – в образе контуженого героя будет проще заполучить у Свенссона то, что ему нужно.

– Я... Я в полном порядке. Готов встретиться с герром оберстом сразу после того, как приму душ и переоденусь.

Даже сам процесс произнесения фразы заставил Голдстона сделать серьезное усилие, чтобы подавить дрожь в ногах. Офицер с сомнением покосился на него, словно уловил это дрожание, но ничего не ответил. Идти, к счастью, оказалось совсем недалеко. Прямо за Спасскими воротами они уперлись в угол скучного четырехэтажного здания с колоннами, выкрашенного в грязно-желтый цвет. Свернув направо, прошлись вдоль Кремлевской стены и очутились перед неприметным крыльцом с полированной деревянной дверью.

– Всего-то? – пробормотал Голдстон с вялой улыбкой, неуверенно пытаясь уклониться в сторону от накатившей дурноты, вежливо пропустить ее вперед. – А я-то думал, что буду спать в мавзолее рядом с Лениным. Как он, кстати, поживает?

Лейтенант сначала зашелся в приступе надрывного, почти чахоточного кашля, потом уже засмеялся.

– С Лениным все в порядке, герр капитан. Раз в три месяца его отмачивают в специальной ванне, и выглядит он, поверьте, гораздо лучше, чем те, кого привозят в армейский морг из-за Стены.

Голдстон представил ванну с зеленоватой жидкостью. Сморщенное тело стопятидесятилетнего старца с небольшой, острой бородкой. С языка сорвалось:

– Плетью его не бьете?

– Простите?

– Так, неудачная шутка...

Но тут лейтенант потянул на себя входную дверь, и его худое, обтянутое кожей лицо ушло в тень. Так, что на секунду привиделось – то не лицо вовсе, а белый, с чернеющими глазницами череп. Голдстон перехватил судорожно дверь рукой, оперся на нее, снова пытаясь удержаться, не соскользнуть непонятно куда.

За дверью им открылся почти коридор во времени. Внутренность здания с колоннами могла выглядеть точно так же и сорок, и шестьдесят лет назад. Все по-советски невзрачно и аскетично. Светло-коричневые деревянные панели, лампы дневного света, пара прямоугольных зеркал, отражающих гардероб с рогатой шеренгой вешалок. Лейтенант, похоже, решил, что гость разочарован.

– Незадолго до войны в корпусе затеяли ремонт, но довести до конца не успели. У нас была другая забота – переделать часть офисов в апартаменты. Раньше в Кремле почти никто не жил. Если честно, вообще никак не могу взять в толк, зачем штаб разместили именно здесь. Две трети зданий в Москве стоят пустыми.

Голдстон вспомнил – Кнелл однажды разговаривал с ним об этом. Почему Кремль, почему Москва. Тоже считал, что Европа повела себя крайне иррационально. Это была символизация победы – правда, во многом над самими собой. Европейцы, говорил Кнелл, с начала семнадцатого столетия не могли избавиться от сложного комплекса чувств по отношению к русским. Смеси страха и тайного восхищения перед нацией, которая не жалеет себя и потому способна на все. Нацией, чье поведение невозможно предсказать и контролировать. Мысль, ставшая со временем паранойей, от которой Европа мечтала излечиться веками. В качестве подтверждения его босс цитировал, среди прочего, пассаж из написанного будущим канцлером манифеста Партии спасения Европы:

«Целых четыреста лет восточная оконечность Европы, изобилующая природными и человеческими ресурсами, а также взрывоопасными идеями, нависала над западной как смертоносная гигантская глыба, готовая в любой момент сорваться с места и уничтожить все на своем пути. Наша задача состоит в том, чтобы исключить любые формы зависимости от России – экономические, военные, политические, культурные. Нельзя жить в постоянном

страхе быть раздавленным в тот момент, когда русский медведь решит почесать свой зад у себя в берлоге».

Отведенная Голдстону комната на четвертом этаже смотрелась по нынешним военно-кризисным временам роскошно: мебель из красного дерева, узкая, но красивая кровать с высокой спинкой, настольная лампа, накрытая изумрудным абажуром, книжный шкаф. Вытянутое прямоугольное окно открывало вид на мощеную площадь и созвездье древних белокаменных церквей, чьи золоченые купола походили на выводок грибов с крепкими круглыми шляпками. Снова вспомнилась волшебная дедова игрушка из детства. Все выглядит так, что он открыл, наконец, одну из тех секретных дверей... Разложив дрожащими руками вещи в шкафу, Голдстон поковылял в душ. Режим всеобщей экономии в Кремле очевидно не соблюдался. Струя, лившаяся из душевой воронки, была по-настоящему горячей, почти кипятком. Била наотмашь с тонизирующим, оживляющим мышцы напором. Вода чудесным образом вымывала из тела тяжелые элементы, освобождала от подавленности и беспокойства. Вскоре Голдстон с удивлением понял, что полностью расслабился. Что ему давно не было так спокойно, как сейчас.

* * *

Полковник Свенссон, глава военной контрразведки, обитал в просторном двухкамерном кабинете в том же самом здании. По непонятной причине, возможно просто из-за отсутствия времени у нового владельца, кабинет полностью сохранил довоенный антураж. Над его ландшафтом вызывающе доминировала громадная, метра четыре в поперечнике, русскоязычная карта уже не существующей России. Карта казалась такой безразмерной, что подавляла даже высоченного хозяина кабинета. Тот, правда, вообще выглядел значительно скромнее своих естественных размеров. Возможно потому, что черный мундир своей контрастностью почти лишал его головы, которая в силу бесцветности и невыразительности лица походила на заполненный водой небольшой прозрачный аквариум. Нужно было изрядно напрячься, чтобы различить на ней какие-то детали. Зачесанные назад белесые редкие волосы, светло-водянистые глаза неопределенного цвета, почти незаметные брови, бескровные губы. Свенссон словно был рожден для того, чтобы мимикрировать, сливаться с окружающей средой. Напористая манера вести разговор, перескакивая с одной смысловой точки на другую, на первый взгляд составляла диссонанс с безликой внешностью. Но, скорее всего, то был еще один элемент маскировки. Укрывшись за стеной из фальшивых эмоций, Свенссон тем временем хладнокровно изучал собеседника.

– Поздравляю с боевым крещением! Уже отправил в Берлин предложение представить вас к награде... Ах уж эти партизаны! Когда же, наконец, мы получим от вас оружие, что позволит охотиться на них, не вылезая за Стену? Бах, бах, стрелять как в тире, попивая холодное пиво... Кстати, кофе? А, может быть, водки? России уже нет, а русская водка осталась, ха-ха-ха! Ее делают поляки, представляете? Какое унижение... Кофе? Сейчас принесут!

Впрочем, гостеприимная улыбка оказалась столь малоприметной, что ее пришлось долго разыскивать на лице. Рукопожатие – вялым и неискренним. Голдстону тут откровенно были не рады. Очень скоро выяснилось почему. Попросив секретаршу сделать кофе, Свенссон помолчал немного, а потом сообщил с тяжелым, деланным вздохом:

– Увы, но придется разочаровать вас, штабс-капитан. Вы зря рисковали жизнью. Сбоя системы в Торжке на самом деле не было. Систему просто-напросто отключили. Это засекреченная информация, но сейчас я уже могу ею поделиться.

Голдстон искренне удивился. Такого поворота для своей формальной миссии он не предвидел.

– Отключили? Как это могло произойти?

– Неделей раньше недалеко от Торжка на одной из шести ниток газопровода случилась авария. Коррозия металла, шов разошелся, точно не знаю. Начался пожар. Автоматика вырубил подачу газа на участке в тридцать километров, включая Торжок. Заодно была обесточена вся ваша антипартизанская электроника.

– А резервный автономный кабель? Даже два резервных кабеля, если не ошибаюсь?

Свенссон осклабился:

– Не ошибаетесь. Но их не подключили. Решили, что за неделю ничего не случится, так как утечка информации к партизанам невозможна. А от лосей думали сами как-нибудь отбиться.

Голдстон в изумлении потряс головой.

– Но почему?

Полковник развел руками:

– Я бы мог выразиться поэтически – что мы заразились здесь русской ленью. Но, увы, все гораздо прозаичнее. Подключение резервного кабеля означает нештатную ситуацию. Нештатная ситуация означает то, что о ней узнают в Берлине. А это, сами понимаете, что означает. Здесь и так в последнее время возникает много нештатных ситуаций... Тем более, повторюсь, это была обычная техническая авария. Ничего, связанного с боевыми действиями.

Они помолчали. Через какое-то время стал отчетливо слышен щелкающий звук, с которым перемещалась секундная стрелка на круглых, еще, кажется, советских часах над картой. Перед тем, как сдвинуться с места, она каждый раз заметно для глаза напрягалась, собираясь с силами, а потом, достигнув нужного деления, едва заметно колебалась от только что испытанного напряжения.

– Чье это было решение?

Свенссон натянуто улыбнулся:

– Общее. Кого-то, фигурально выражаясь, обязательно отправят на эшафот. Но сейчас меня скорее заботит вопрос, напрямую относящийся к моей служебной компетенции.

– Как партизаны так удачно угадали с местом и временем?

– Вот именно.

Голдстон, что как раз почти приложился к чашке с кофе, вдруг задумался, вернул чашку обратно на блюдо.

– Герр оберст, не кажется ли вам, что партизаны также были хорошо осведомлены о факте моего приезда в Москву?

Свенссон окаменел на мгновенье, словно услышав за окном какой-то необычный звук. Потом выпалил на одном дыхании:

– Теоретически такая догадка имеет право на существование. Нам удалось захватить живым одного из бандитов в развалинах неподалеку... Знаете, кто за вами охотился? Сам Ворон! Он у подмосковных партизан вроде главнокомандующего... Так вот, этот Ворон случайно обмолвился: хотели уничтожить «шишку из Берлина». Кстати, вашу машину не взорвали по чистой случайности. Кто-то помешал наводчику ракеты. Представляете?

В голосе Свенссона до неприличия заметно проскользнуло сожаление. Но он тут же опомнился. Резко вскочил из-за стола. Принялся вышагивать туда-обратно по комнате, напоминая со стороны громадного черного палочника.

– Согласен, теории заговора чертовски увлекательны... Что же, давайте устроим мозговой штурм. Свежий взгляд всегда полезен!

Голдстон потер щеку.

– Авария на газопроводе... Вы сказали, все было засекречено. Но ведь есть операторы Центра управления газовыми поставками, есть люди, которые меняли эту самую трубу?

– Операторы не покидали центра со дня аварии. Ели и спали на рабочем месте. Без преувеличения можно утверждать, что в Москве о случившемся знали всего четыре человека – я,

директор «Остенгаз» Отто Вальке, командующий армией генерал фон Шнайль и спецпосланник канцлера Ойп дер Сар. Ремонтная спецбригада базируется в Смоленске. Людей, трубы и технику оперативно перебрасывали на место аварии транспортными вертолетами. Они до сих пор там.

– Могли ли партизаны перехватить и расшифровать радиопереговоры?

– Очень сомнительная версия.

– Ну а как насчет русских? Есть ли русские в Кремле? – вымученно спросил Голдстон.

Вопрос дался с большой заминкой. Словно был риск, что Свенссон ответит сочувственно: «Голдстон, дружище, а вы сами-то кто? Русский дед, бабка, мать. Но разве это значит, что вам нельзя доверять?»

– Нет, – покачал головой полковник. – Мы изначально старались исключить подобные риски. Я бы сказал, что только русскоговорящая помощница у генерал-губернатора... Но она скорее француженка, чем русская. Эмигрировала во Францию еще ребенком.

Идеи для «мозгового штурма» быстро иссякли. Голдстону уже казалось, что он погорячился, представив себя жертвой заговора.

– В конце концов, партизаны могли случайно устроить засаду. Я ехал с охраной по шоссе из аэропорта – вот вам и «шишка из Берлина»...

Рассудительный подход пришелся Свенссону по душе. Его прозрачные ледяные щеки порозовели, в глаза словно вставили цветные контактные линзы. Слово за слово начался искренний разговор.

– Говорите, мы завязли в России? Знаете почему? Здесь невозможно победить, следуя обычным правилам. Тут живут совсем другие люди, к ним нужен особый подход.

Голдстон вспомнил вчерашнее ток-шоу. Рассуждения студийных экспертов.

– Они даже не смогли ответить на вопрос, почему партизаны продолжают сопротивление. За что именно воюют.

Не спросив разрешения, Свенссон зажег сигарету. Затянувшись, встал с кресла и подошел к темному окну, за которым причудливо расплывались мутные световые нимбы.

– Эксперты! Разве они говорили хоть с одним из них?

– А вы? – повторил Голдстон вопрос, который задавал вчера Марчелло.

– Я... да. Беседовал примерно с дюжиной мерзавцев, которых спецназовцы отловили в подмосковных лесах... Детально беседовал... Ответ покажется настоящей тарабарщиной, штабс-капитан. У большинства русских иное, нежели у нас, представление о жизни. Они больше озабочены, скажем так, судьбой человечества, чем своей собственной. Одержимы идеей, что несут ответственность за весь мир, исполняя какую-то миссию.

– Какою же?

– Черт ее знает! Но, наверное, именно это и делает их такими упертыми. Если бы от меня зависела судьба человечества, я бы очень много о себе думал, ха-ха-ха!

На столе у Свенссона зазвонил телефон. Пока хозяин кабинета разговаривал с кем-то по-шведски, Голдстон пытался справиться с приливом странного возбуждения. Не хотелось и одновременно очень хотелось продолжить этот разговор. Навалилось что-то вроде ломающего тело до самых костей томного вождения. Посмотреть на джинна, живущего под замком у него внутри.

– Кажется Бисмарк говорил: русских нельзя победить, их можно только уничтожить⁶, – сказал он Свенссону, когда шеф контрразведки положил телефонную трубку на место.

Тот подвис на секунду, догоняя мысль. Неприятно улыбнулся.

– Правда? Верно сказано! Я давно убеждаю военное командование отбомбить квадрат за квадратом территорию в радиусе ста километров от Стены. Уничтожить там все живое!

---

⁶ На самом деле ошибочно приписываемая Бисмарку цитата.

Нужна тактика выжженной земли! Вот единственно возможный ответ и вы, думаю, со мной согласитесь!

У Голдстона внезапно зачесались руки схватить со стола массивную пепельницу и запустить ее точно по центру головы-аквариума. Проверить – может, она и впрямь стеклянная? С рыбками внутри? Он едва подавил этот странный порыв. Разговор же вскоре умер сам собой. Оставалось сделать то, ради чего он, собственно, и пришел сюда.

– Герр оберст, – осторожно начал Голдстон, изо всех сил стараясь изобразить ленивое безразличие. – Раз уж я приехал в Москву, есть вопрос, который хотелось бы решить заодно, избежав бюрократической волокиты. В единой базе разведанных обнаружился рапорт одного из ваших подчиненных. Спецслужбы сибирского правительства передали контрразведке некоего русского, якобы организовавшего центр вербовки партизан. Позже выяснилось, что никакой он не вербовщик. Агентура в Новосибирске подтвердила: это какой-то ненормальный физик, требовавший встречи с главой правительства Сергеем Лукиным. Вместо психушки его отправили к нам.

Лицо Свенссона поначалу напряглось, но в итоге изобразило вежливое участие.

– Да, люди Лукина частенько присылают нам всякий сброд. Не знаем потом, куда его девать.

Голдстон согласно кивнул. Сброд так сброд.

– Ученого зовут Павел Быков. Он когда-то работал в Институте ядерных исследований в Новосибирске. Если не возражаете, я хотел бы побеседовать с ним на предмет сотрудничества с нашим министерством.

Вновь вежливое участие на лице хозяина кабинета. Голдстон не удержался, представил себе, как перекосит Свенссона, расскажи он ему, почему Министерство вооружений заинтересовалось русским физиком. Для пущей наглядности лучше даже показать спутниковый снимок сибирской тайги, что лежит сейчас в кармане его кителя.

Шеф контрразведки между тем пожал плечами:

– Скорее всего, он сидит в тюрьме на Лубянке. Учитывая ваше состояние после покушения, целесообразнее, думаю, привезти его сюда. Только учтите – завтра в Кремле торжественный прием. Если не ошибаюсь, вы в числе почетных гостей.

Голдстон, радуясь, что все так легко решилось, щелкнул пальцами.

– Давайте я с ним пообедаю. В наше непростое время хорошая еда, особенно с выпивкой, многого стоит.

Свенссон поморщился:

– Уверены, что он стоит кормежки в кремлевском ресторане? Я предпочитаю в общении с русскими другие методы. Обращайтесь, если что.

Взгляд Голдстона снова уперся в пепельницу – теперь она показалась слишком тяжелой для броска. На секунду Свенссон представился ему огромным, одетым в черный мундир волком-людоедом. Немигающие глаза, седая борода на морде, приоткрытая смрадная пасть с загнутыми клыками. Испугавшись собственного воображения, он дернулся, пытаясь вскочить с кресла. Тут же осел обратно, ослепленный болью в голове.

– Что такое, штабс-капитан, вам плохо? – донеслось через забившую мозг плотную вату.

Приготовившись увидеть все, что угодно, Голдстон медленно расцепил ресницы. Волк пропал. Свенссон снова выглядел человеком – даже с некоторыми следами сочувствия на лице.

* * *

В свою комнату Голдстон доковылял уже из последних сил. Захлопнув дверь, без сил соскользнул по ней на пол. Долго не мог притормозить вертящуюся в голове карусель. Сердце скакало на американских горках, лоб был таким же липким и неприятным, как после вчераш-

ней посадки. Кое-как поднявшись на ноги, добрался до ванной. Там, всыпав в дрожащую горсть аспирин из желтого пузырька, жадно забросил в себя пять или шесть таблеток. Приоткрыв окно, прямо в одежде рухнул на кровать. Лежал, жадно глотая холодный воздух, глядел в темный потолок и прокручивал в голове разговор со Свенссоном. Что-то эмоционально его зацепило. До отчаяния, до взрыва внутри, истощившего последние силы. Снова вспомнился дед, будто был он третьим, невидимым участником их беседы. Потом дед и вовсе прогнал гигантского волка-людоеда. Они остались один на один, совсем как в детстве, которое Джон, как ни пытался, так и не смог вычистить из памяти.

Даже спустя много лет после своей смерти – умер он в семьдесят пять от инфаркта, занимаясь любимым делом, копаясь в огороде – дед навещал Джона во сне. Иногда запросто, как в мире живых, приходил к нему домой, и они радостно обнимались. Чаще невидимо присутствовал рядом, излучая неизвестные науке, но вполне ощутимые волны любви. Джона каждый раз накрывала торжествующая, яркая радость – такая сильная, что от нее даже становилось больно. Смерть, похороны казались дурным сном, ложным воспоминанием. Обнимал деда он с одной и той же мыслью: «Я всегда знал, что ты не умираешь!».

До своих последних дней – а прожил в Англии Юрий Дмитрич полвека – дед считал себя русским, говорил на родном языке без малейшего акцента и с какого-то момента даже засобирался обратно на родину. Как только рухнул коммунизм, вспомнил о родственниках (у него остались в России три старших замужних сестры и мать): «Может, жив кто-то? Помнит обо мне? Что, если ищут меня?». Правда, так никуда и не поехал. Понимал, наверное, что той России, которая у него в голове, давно уж нет. Боялся увидеть то, что же с ней случилось. Не вместить в себя эту новую страну. О том, каким ветром занесло его в Англию, сам Юрий Дмитрич внуку никогда не рассказывал. Отмалчивался и про войну, из-за которой очутился так далеко от дома. Джон, как все мальчишки, ждал лихих военных историй, но дед только вздыхал в ответ и говорил странно: «Как вспомнишь, так сердце болит. Да и лучше тебе такого не знать». В общем, историю деда узнал он уже подростком, от бабушки. Юрка, как она иногда его называла, служил шофером у генерала одной из армий, что летом 1945 года составили группу советских оккупационных войск в Германии. В Берлине у него однажды открылась старая рана и пошел наружу осколок. В суматохе вышло так, что хирурга и госпиталь для любимого водителя генерала предложили союзники-британцы. Его прооперировали, но шансов, что выживет, было немного. Юрка провалялся в госпитале почти полгода, за это время генерала отозвали в Москву и о его водителе все забыли. Выходила же его британская медсестра, которая несколько месяцев почти не отходила от русского.

Когда Юрка в первый раз после операции пришел в себя и открыл глаза, то подумалось – помер, но при том угодил прямиком в рай. На него сочувственно смотрело настоящее ангельское лицо с выбивающимися из-под белого платка темными шелковыми кудрями. С детства помнил он что-то смутно про серафимов и херувимов⁷, потому захотелось узнать, к кому же именно его направили. Спросил по-русски «Как тебя зовут?», резонно надеясь, что в раю должны понимать все языки. «Наташа Ростова», – так же на чистом русском ответил ангел и одарил Юрку улыбкой, от которой в нем тут же прибавилось жизни. Чуть позже выяснилось, что Юрка все-таки не умер. Наташа Ростова оказалась не ангелом, хотя потом он звал ее не иначе как «ангел Наташа», а дочкой русских аристократов, благоразумно убежавших из России в 1917 году сразу после февральского переворота. Граф Ростов, до того успешно игравший на Петербургской бирже и сделавший капитал поставками в действующую армию муки, и тут не прогадал. Вовремя успел вывезти детей и большую часть нажитого в туманный Альбион, который, видимо, интуитивно был избран как самое безопасное в Европе место накануне грядущих великих потрясений. Здесь граф Ростов решил осесть в Оксфорде, где приобрел

---

⁷ Ангелы в христианской традиции.

несколько домов, в одном из них и поселилось его семейство. Все трое старших дочерей со временем поступили в Оксфордский университет и подались в подходящее для женского пола преподавание, а последняя, родившаяся уже в Англии Наташа под влиянием новых прогрессивных веяний взяла себе в голову пойти в медицину – путь, что и привел ее в 1945 году в оккупированный союзниками Берлин.

В отличие от множества подобных историй в те жестокие времена, у этой получился счастливый конец. Влюбленные поженились еще в Берлине, Юрка взял фамилию жены и имя Джордж, окончательно развоплотившись как советский гражданин и военнослужащий. Переживал ли о том, что может не вернуться обратно? Да нет, даже не думал про такое. После трехлетнего кошмара войны, беспрерывной крови, грязи и вони хотелось только одного. Жить – сильно, жадно, на полную катушку. И жизнь эта была здесь, рядом – внешне мягкий и кроткий, но внутри настойчивый и порой упрямый «ангел Наташа». Упрямство это пригодилось, когда молодые, вызвав изрядный фурор, прибыли в Оксфорд. Не то чтобы аристократы Ростовы Юрку показательно не приняли, но происхождение «от сохи» в таком кругу на первых порах сильно осложняло ему жизнь. Особо бывшего графа забавлял тот факт, что Юрка прежде никогда не читал «Войну и мир» и потому не мог прочувствовать всех оттенков приключившейся с ним истории. Трехтомник прижизненного издания «Войны и мира», вывезенный до революции из России в огромных сундуках, преподнесла ему сама Наташа в первые же дни в Оксфорде, поставив твердо перед собой цель «окультурить» своего супруга. Юрка был еще слишком слаб, целыми днями полулежал в кресле и читал – так, как читают простые, но одаренные натуры, дорвавшиеся до чего-то очень близкого себе, но прежде неизвестного или недоступного. До того, как более-менее окреп, уже поглотил несчетное количество томов и начал кое-как изъясняться по-английски. Успехи в «окультуривании», а также добрый и веселый нрав в конце концов снискали Юрке любовь благородного семейства. Тем не менее, как только он твердо встал после операции на ноги, молодая семья переехала в Лондон. Наташа пошла учиться на врача, продолжая работать медсестрой в госпитале, а Юрка устроился водить автобус из Лондона в Оксфорд, благо для того не надо было слишком мудрено владеть языком, тогда как его водительские навыки вызвали у комиссии безусловное восхищение. Поселились они на севере, в районе Кентиштаун, снимая там небольшой домик с садиком. Когда же у них родилась дочь, будущая мать Джона, граф Ростов сделал им щедрый подарок, выкупив домик у его владельца. Здесь они и провели всю жизнь. Наташа, как и мечтала, стала хирургом, дело почти немыслимое по тем временам. Юрий Дмитрич водил автобус, все глубже погружался в мировую литературу и со страстью копался в крохотном огороδικе, вспоминая родную деревню Барашек Курской области. Мать Джона умерла, когда ему было три года. Неудивительно, что в Кентиштауне он бывал в детстве чаще, чем у себя дома. Это потом, уже в Оксфорде, студент Крайст Черч⁸ Джон Голдстон изо всех сил пытался убежать от своего русского происхождения. Стать чистопородным, истинным британцем. Заглушить все эти загадочные шумы и стуки из прошлого, даже, похоже, не его собственного. Сознательно избегал мест и ситуаций, где можно нарваться на русских. Позже, работая в Сити, отказался по этой причине от десятка выгодных предложений, связанных с оценкой сделок в России. Но сейчас давным-давно изгнанное из себя, почти развоплотившееся прошлое вновь стало объемным, выдвинулось на первый план, насквозь пропитало собой настоящее.

* * *

Кольку разбудили посреди ночи. Рядом в полутьме стоял Ворон, полностью одетый, с автоматом через плечо.

---

⁸ Крайст Черч Колледж – один из самых престижных колледжей Оксфордского университета, основан в 1525 году.

– Не дергайся. Дело есть.

Колька выдохнул с облегчением. Зевнув, как гиппопотам, глянул на светящиеся в полутьме зеленую стрелки механических часов «Полет», подарок командира. Два часа ночи.

– На вот, одевайся! – шепотом приказал Ворон, швыряя на кровать куль одежды. – Оденешься – все скажу.

Как лунатик, Колька поднялся с койки, начал молча одеваться. Натянул теплые флисовые штаны, потом брюки и свитер, зашнуровал высокие берцы с «рыбым мехом». Карман толстой куртки что-то тяжело оттягивало. При встрече с железной койкой куртка выдала тупой металлический звук. Что за гостинец Ворон туда засунул?

– Уезжаем дня на три, – решив, что Колька уже проснулся для серьезного разговора, Ворон кивнул в угол комнаты. В тусклом освещении экономной лампочки еле-еле был различим большой походный рюкзак. – Ты, я и Диггер. Твоя задача – следить за Диггером. Понял? Не уверен я в нем до конца.

Пистолет, понял Колька. В кармане куртки пистолет. Килограммовый «Грач» с нарезной шершавой рукояткой и смешно выступающим стволом. В отряде пистолет считался бесполезным пижонским оружием, но вот Колька стрелял из него как раз хорошо, так как «Калашников» ему поначалу не доверяли. Легко попадал с пятидесяти метров в чучело, одетое в пятнистую форму.

– Идем в подземелья, за Стену? – спросил заговорщицким шепотом Колька, уже совсем проснувшись.

На заросшем жидкой курчавой бородкой лице Ворона расплылась довольная ухмылка. Та самая, блинная.

– Догадался, паршивец! Не зря тебя Головастиком зовут. Помалкивай про это, когда вернемся... Если, конечно, вернемся.

Снаружи было морозно и ясно. После тесноты и духоты катакомб ночная темнота погружала в бесконечность и безвременье. Над верхушками черных, почти невидимых деревьев холодно поблескивали звезды. Под ногами битым стеклом хрустел подтаявший днем, а потом спекшийся от мороза осевший снег. Лагерь располагался километрах в сорока от Москвы, на военном аэродроме рядом с Кубинкой. Если быть точным, под самим аэродромом, где когда-то выкопали разветвленную сеть хранилищ и бункеров. Летное поле с самолетами в начале войны разбомбили вчистую, а вот все аэродромное подземное царство осталось в целостности и сохранности. Обосновались они здесь прошлым летом, когда на Ворона, похоже, вышли военспецы из Сибири. Сам Ворон, конечно же, о том и словом не обмолвился. Но Колька быстро смекнул, откуда ноги растут. Смотрелся командир в Вологду, где у партизан было что-то вроде тайной столицы, почти две недели не было его. Когда вернулся, с отрядом начали происходить всевозможные чудеса. Первым делом вскоре перебрались они вот в эти хоромы с работающим на солярке дизельным генератором. Позже появились ракеты. Противовоздушные, противотанковые. Воевать сразу стало веселее. Стрельнул с трех километров – и ищи-свищи тебя по подмосковным лесам. А еще у Ворона завелся массивный приемник со спутниковой антенной. Раз в день-два бойцы вытаскивали его наверх и подключали к ноутбуку. После таких вот сеансов связи с неведомыми мирами Ворон, как пророк, мог предсказать с легкостью, где и когда пройдет очередной конвой интервентов.

Минутах в десяти быстрой ходьбы от бункера располагался чудом сохранившийся после бомбежек ангар, в котором прятался партизанский автопарк, собранный за три года по разоренному войной Подмосковию. Мотоциклы, пара «газелей», несколько джипов и, самое главное, шестиколесный МЧС-ный вездеход на огромных, пузатых колесах. Пользовались всем этим автототодобром партизаны нечасто. Берегли – да и с бензоколонками было туговато. Горючее сливали второпях из отбитых конвойных машин или выменивали на оружие. Диггер ждал их у ангара, смешно прыгая от холода с одной ноги на другую, будто страшно приспи-

чило ему по нужде. Увидев Кольку, совсем не удивился. Видимо, знал о нем заранее. Минут десять ждали, пока Ворон, гремя железными воротами, откроет ангар, заведет сонную, заиндевевшую машину и выгонит ее наружу. Диггер уселся справа от водителя, Колька на диванчике сзади, почти в обнимку с канистрами с бензином. Пристроился поудобнее, пристегнулся ремнем. Нашупав в кармане куртки пистолет, тут же начал пристально следить за Диггером. Чувствовал при том легкое злорадство: вот ведь, ворковал, ворковал командир с новичком за закрытой дверью, а доверяет на самом деле по-прежнему только своему ординарцу Головастику. Зря на Ворона обижался, зря ревновал. Разливавшаяся по телу радость странным образом обращалась в тепло, быстро согрела задубевшего по пути к ангару Кольку. Согревшись, он в момент забыл о слежке за Диггером и задремал. С ужасом открыл глаза, только когда в лицо снова поддало морозным холодом. Боковое стекло было опущено наполовину, из полутьмы выступали очертания какого-то здания.

– Что, пригрелся, Головастик? – беззлобно ткнул его в плечо кулаком Ворон. – Двигатель чего-то стучит. Проверить надо. На, поешь пока. Сто пятьдесят верст околицами отмотали.

Вставив в руку полусонного еще Кольки открытую, опустошенную наполовину банку тушенки, командир сел за руль. Принялся то сильнее, то ласковее выжимать педаль газа. Диггер, загородив капотом обзор, копался с фонариком во внутренностях вездехода. Пережевывая меланхолично резиновое мясо с противными белыми кусками застывшего жира, Колька прислушивался к ответному рычанию мотора. Пытался расслышать тот самый предательский стук. Со сна получалось не очень. Вездеход стоял у ржавой ограды заброшенного то ли завода, то ли склада. Покосившийся рекламный указатель попал в самый фокус светового пучка фар. «Хонда Боровское». Было почти шесть утра, узкая полоска неба уже неуверенно окрасилась в серо-мышинный цвет, хотя до настоящего рассвета оставалось не меньше часа. Присмотревшись, Колька различил слева похожий на крепостную стену темный контур. Это же кольцевая автодорога! Пока он беззаботно дрых, Ворон проехал на юг по «бетонке», потом буераками пробрался на заброшенное Боровское шоссе. Интервенты сюда не совались, конвой шли по Киевскому и Ленинградке.

Ворон, между тем, похоже, все-таки был недоволен, что Кольку сморило. Перестав мучить педаль газа, бросил – негромко, но жестко:

– Когда заедем в город – не спать. Держи ухо востро. Не думаю, что наткнемся на оборотней, грабить там нечего и некого. Но береженого бог бережет.

Оборотнями называли самые обученные и опасные мародерские шайки, собранные из бывших армейских или эмвэдэшников. Бесчинствовать и терроризировать население они начали еще до военного путча, и мало-помалу Москва оказалась в их полной власти. Когда же в город вошли иностранные войска, большинство оборотней схлынули в сторону Урала, перемещаясь, как саранча, с пожранного, разоренного места туда, где оставалось что еще сожрать и разорить.

Выслушав и осмотрев без каких-либо решительных выводов двигатель, снова тронулись в путь. Машина шла медленно, иногда переваливалась с боку на бок, натываясь на занесенное снегом препятствие. Колька мотался неприкаянно из стороны в сторону на диванчике, уцепившись за ручку в потолок, и ухитрялся при том разглядывать окрестности. Вдоль обочин, как компактные погребальные курганы, тянулись бесчетные снежные холмики. Брошенные при массовом бегстве из Москвы автомобили, не сумевшие пробиться через образовавшиеся тогда из-за бандитских налетов гигантские заторы. Вздохнув, Колька припомнил, как второпях покидал с родителями город. Растерянное, жалкое лицо отца, вдруг осознавшего ужасный факт: нужно оставить машину и отправиться дальше с женой и двумя малолетними детьми пешком. Тысячи людей, обреченно бредущих в тяжелой августовской жаре по раскаленному асфальту. Потом автоматные выстрелы из придорожного леска – видно, оборотни решили позабавиться. Все бросились врассыпную, Колька зайцем дал стрелкача в поле, а когда вернулся, родителей

уже и след простыл. Только десятка два чужих мертвецов и новые колонны измученных, обожженных, отчаявшихся московских беженцев... Почувствовав жжение в глазах, Колька недовольно скрипнул зубами, помотал изо всех сил головой. Слабак. Баба. Еще расплачься при Вороне.

Арку под МКАД миновали в почтительном молчании, словно на кладбище въехали. Умерщвленный город, похожий на обглоданный скелет гигантского доисторического животного, впрыскивал в тело парализующую смесь благоговения и животного ужаса. Справа потянулись темные ряды деревьев. В самом деле, Востряковское кладбище. Хотя, какая теперь разница? Мертвецы тут повсюду. За кладбищем начался спальный микрорайон. Склепы двадцатиэтажных домов жадно тарасились на Кольку черными окнами. Иногда мерещилось, что по окнам, как по елочной гирлянде, перебегают то ли зеленые, то ли красные огоньки. Пару раз едва удержался он от того, чтобы незаметно для Ворона, сжавшись за передним сиденьем, перекреститься. На душе было как в животе, когда какую-то гадость съел. Мертвый город вдруг представился одной, гигантских размеров могилой, выкопанной для всего человечества. Колька зажмурился, увидел, как это видится сверху, с высоты птичьего полета. Крохотная, едва различимая в полутьме точка их автомобиля с рассеянным впереди световым нимбом от фар. Кусочек живого света, который затягивает в себя непроглядная тьма, способная проглотить и пережевать все, что угодно...

Тут колючая судорога сжала внутренности, по телу пошли сводящие мышцы волны, и стало понятно – вот-вот начнется припадок. С того самого дня, когда потерял он на дороге родителей, Кольку не реже раза в месяц мучили приступы странной болезни, чем-то схожей с эпилепсией. Сознание стремительно тускнело, отключалось – и к внешнему миру протягивалась одна-единственная ниточка. Страх перед наступающей отовсюду, со всех сторон, опасностью. Ноги Кольки дергались в конвульсиях, словно пытаясь убежать от смерти, летящей на огромной скорости над землей. Рот, кривясь по-безумному, хрипел: «Не хочу, не хочу умирать!». Но невидимая смерть лишь издевательски хохотала в ответ и вилась поземкой над головой, затягивая в гигантскую черную воронку тысячи людей и целые города, доводя сотрясающегося, хрипящего Кольку до полного изнеможения. Позднее, когда уже прижился в отряде, Колька приноровился мысленно вызывать в такие моменты Ворона. Раз у того есть план, как снова устроить нормальную жизнь, значит смерть ему не помеха. Ворон являлся словно Спаситель-Христос – суровый, молчаливый, весь в черном, с автоматом наперевес, – и конвульсии постепенно ослабевали. Вот и сейчас при звуке голоса Ворона припадок отступил. Спутники впереди о чем-то переговаривались. Колька прислушался.

– Ужас, конечно – с одной стороны. А с другой – благодать, – разглагольствовал Диггер, обозревая мертвый, серый пейзаж. – Пять лет назад только в Чернобыле можно было полазить по такой вот заброшке.

Ворон, похоже, вспомнил игры «выживальщиков». Хмыкнул в ответ:

– Да, и есть с кем полазить. Адреналин гарантирован. Оборотни, собаки дикие, медведи и волки из зоопарка. Психи еще...

Диггер подался вперед, переспросил с придыханием:

– Психи?

– Ага. Не слышал разве? Разбежались из всех психлечебниц, что только были в городе. И многие выжили, представляешь? Говорят, собираются у памятника Гагарину на Ленинском проспекте. Помнишь, столб такой здоровенный? Приносят там жертву. Собаку или кошку. Весь столб внизу уже кровью забрызгали...

Дикость – но что-то в этом есть. Язычники так в древности, кажется, поступали... Врет – не врет? – размышлял Колька. Прежде от Ворона такого он не слышал. Вездеход раскачивало туда-сюда, и подвешенная перед лобовым стеклом иконка с невидимым в полутьме святым маятником повторяла наклоны вправо и влево. Осталась эта иконка от прежних хозяев. Ворон,

пусть в Бога и не верил, почему-то решил ее не снимать. Может, оттого, что в их темное время любая вещица из прошлой, устроенной жизни казалась почти волшебным талисманом. Покосившись еще раз на иконку, Колька все-таки быстро-быстро перекрестился.

Проехав совсем недолго по Мичуринскому проспекту, Ворон свернул с шоссе, приткнул вездеход рядом с обгоревшим супермаркетом с выбитыми до последнего стекла витринами.

– Конечная остановка. Дальше пеходралом. Отсюда до Стены – километров десять. Не знаю, что у них там стоит для наблюдения. Тепловизоры, хреновизоры какие. Лучше на рожон не лезть.

Надели рюкзаки, автоматы, выступили на своих двоих. Шли медленно, след в след, как ледоколы с треском сокрушая спаянный морозом твердокаменный снежный наст. Когда оставались, воцарялась поразительная тишина, только один раз где-то в отдалении надрывно забрехала одинокая собака. Часа через два доползли, наконец, до станции метро «Мичуринский проспект», встали под перекрывшим шоссе переходом. Уже совсем рассвело, но мертвый город, перекрасившись из черного в пепельно-серый, не выглядел безопаснее и приветливее. Диггер достал какие-то бумажки, завис на минуту, потом ткнул пальцем вперед.

– Удальцова. Кажется, вот она. Да, точно.

Странно, но он, похоже, слегка заикался. Чего это?

Завернули с проспекта направо, затем почти сразу пошли налево. Отмахали еще с километр вдоль застроенного гаражами пустыря. Когда, наконец, добрались до места, Колька недоуменно воззрился на Ворона. Это что, и есть сверхсекретный объект? Двухметровая железная ограда с толстыми прутьями, за ней – неприметная кирпичная малоэтажка стандартного вида. До войны в таких обитали клоповые, по пять-десять работников, конторы, занимавшиеся мелкооптовой торговлей или ремонтом электроники. На сохранившейся табличке у ворот Колька прочел не с первого раза – «Управление военизированных горноспасательных частей в строительстве». Однако Диггера, похоже, табличка не смутила. Знал, куда пришли. Его так и распирало – то ли от радости, то ли еще от чего-то приятного. Наконец, бурлящее в нем нечто не удержалось, излилось наружу.

– Поздравляю! – объявил Диггер торжественно, словно все трое только что вскарабкались на макушку Эвереста. – Добро пожаловать в ту Москву, которую вы никогда не видели!

* * *

Долго и бестолково бродили туда-обратно вдоль железного забора в поисках калитки. Здание с зубодробительной табличкой «Управление и так далее...» (даже прочитать нормально не получается, не то что запомнить) оказалось похожим на шкатулку с сюрпризом. Неказистая, простенькая на вид – но при том с сейфовым замком и двойным, если не тройным дном. Голыми руками не возьмешь.

– Рвать придется, – с сожалением выдохнул в облаке мата Ворон после того, как в очередной раз словно по горке съехал с обледеневшей скользкой ограды. – Вот набегит окрестной гопоты-то...

Заложили пару тротиловых шашек, похожих на куски желтого мыла. Вставили детонаторы, размотали шнур.

– Поехали, – непонятно сказал Ворон и запустил по шнуру веселый искрящийся огонек.

В мертвом, гулком от пустоты городе бухнуло так, что мало не покажется. Когда Колька вытащил пальцы из ушей, то почувствовал себя Маугли. Лай стоял вокруг такой, будто окружила их многотысячная свора диких собак. В рваную дыру в ограде лезли торопливо, озираясь то и дело по сторонам. Побродив минут десять вокруг здания, все до единого окна которого были запаяны толстенными железными решетками, Ворон обреченно вздохнул и полез в рюкзак еще за одной шашкой.

Когда наконец забрались внутрь, Колька оторопел. Если бы не толстенный слой пыли, паутина и желтизна бумаги, все выглядело так, словно люди ушли отсюда только вчера. Мониторы компьютеров, папки с ведомостями, на каждом столе по калькулятору. Тут же накрыло с головой сопливо-ностальгическое. Захотелось сесть за стол, закрыть глаза и представить, что когда откроет он их, то поймет – все это просто страшный сон. Разоренная Москва, похожий на громадную консервную банку бункер, вечная духота и вонь под землей, резиновый вкус тушенки двадцатилетней давности, от которой только чудом не случается заворот кишок...

– Ты чего, о девках замечтался? Давай помогай!

Ворон, передав Диггеру какую-то схему, которую до того они внимательно разглядывали, легонько ткнул Кольку в бок. Визитеры смели все с одного из столов и, взявшись за него втроем, понесли к двери. На их счастье, оказалась она самой обычной, не металлической, и вылетела с третьего удара.

Выбравшись в коридор, по команде Диггера сразу свернули налево.

– Доставай фонарь, идем в подвал, – пояснил он коротко Кольке. – У лестничного пролета должна быть электрощитовая.

Через пару минут они уже были там. Железная дверь с оптимистичной надписью «Не входи, убьет!». Закрыта обычным навесным замком, который Ворон сбил висевшим на стене красным противопожарным ломом. Диггер ударом ноги распахнул дверь. Пробормотал едва слышно:

– Чума просто... Знали б мои дружки, от зависти бы сдохли...

Заинтригованный Колька опустил на колени, чтобы между ног стоявшего перед ним Ворона тоже заглянуть в таинственную комнату. Световое пятно фонарика хаотично выхватывало из темноты серые металлические шкафы, катушки медной проволоки, сваленные в кучу лопаты для уборки снега. Но Диггер, похоже, знал то, о чем Колька даже не догадывался. Вскоре за грохотом раскидываемого в разные стороны пыльного хлама, за матюгами-многоэтажками, последовал его торжествующий вопль.

– Ну что, нашел? – нетерпеливо отозвался Ворон.

– Нашел, – выдохнул Диггер так счастливо, словно обрел нечто, что искал годами, а то и десятилетиями. – Заходи, командир, посветишь. Только ноги не переломай.

Вслед за командиром Колька тоже осторожно пробрался сквозь завалы поближе к месту событий. Увидел, как Диггер, раскрыв створки одного из шкафов, ковыряется в расположенном на уровне головы распределительном щитке. Сверяясь с листом бумаги в руке, переключает один за другим какие-то рычажки. Щелк! Щелк! И щит, не подававший никаких признаков жизни, вдруг осветился десятком желтых и зеленых лампочек. Послышалось легкое, едва слышимое гудение.

– Работает! Работает! – надрывно зашептал Диггер, и только тут до Кольки дошло. В мертвой, оставленной людьми Москве откуда-то обнаружилось *электричество*.

– Реактор? – коротко спросил Ворон, с улыбкой разглядывая мерцающие в темноте лампочки как засмотревшийся на новогоднюю елку ребенок.

– А хрен его знает! – опять прошептал Диггер, словно в страхе спугнуть огоньки со стены. – Может, и компактный реактор. Я читал, американцы еще лет двадцать назад насобачились делать такие: высота всего метра три, срок работы после загрузки топлива – десять лет... Дизель, правда, тоже лет пять может храниться. А то и больше...

Колька вздрогнул. Хотя словосочетание «атомный реактор» происходило из иной, почти забытой жизни, проснулось ощущение опасности. И немедленно явилось объяснение, зачем же они здесь. В Москве – вернее, под ней – есть секретная атомная электростанция, продолжающая работать и по сей день. Ворон задумал ее взорвать, чтобы с помощью радиоактивного заражения изгнать оккупантов из-за Стены. Не зря говорил – «если вернемся». Если!

– Ты чего завис? – хлопнул тут его по плечу командир. – Не спи, Головастик, самое интересное начинается. Пошли!

Сам не свой от ужасной догадки, Колька поплелся по коридору. Они снова вернулись на первый этаж и перешли в другое крыло, где, судя по табличкам на дверях, находилась куча научных лабораторий. Сверяясь с планом в руке, Диггер уверенно, почти без задержек, вел их по зданию. Наконец, достигли еще одного лестничного пролета. Он был гораздо шире первого и вел только вниз, а не вверх. К удивлению Кольки, горноспасатели добавили зданию еще целых два подземных этажа. Правда, и здесь не обнаружилось ничего особенного. Похожие друг на друга как близнецы двери складов и прочих технических помещений. Стены выкрашены масляной краской в казенный зеленый цвет, вызывающий легкую тошноту. Сухой, спертый воздух, которым тяжело дышать. Впрочем, иногда Колька чувствовал на лице как будто дуновение свежего ветра. Наверное, вместе с электричеством заработали и кондиционеры. На втором нижнем подземном этаже они забрели в какой-то закуток, и вот тут Колька оторопел. Перед ним была то ли здоровенная дверь, то ли ворота метра в три шириной – целиком из железа, помеченного там и здесь неопытными разводами осыпающейся ржавчины. Почти по центру к воротам приделали странное, похожее на автомобильный руль колесо. Приглядевшись, Колька заметил клеймо «Сделано в СССР». Вспомнив о реакторе, пробормотал непослушным языком:

– Это... что?

– Гермодверь, – непонятно ответил Диггер. – Тонны четыре весит, не меньше!

Неведомое слово только утвердило в мысли, что приблизились они к чему-то страшно опасному. Диггер тем временем взялся за тот самый руль, попробовал его крутануть. Похоже вышло не очень, потому как начал анархист пыхтеть и материться:

– Чего встали? Я что вам, супергерой? Ну-ка, подсобите!

Обод у руля был страшно холодный и тугой. Поддавался еле-еле. Когда пошло нормальное вращение, раздалось легкое шипение.

– Будто банку с огурцами открыли, – рассмеялся Ворон, отирая вспотевшее лицо и приглаживая заодно свою бородавку. – Заходим?

Оказалось, дверь не просто открывается – отъезжает по специальным рельсам в полу, которые Колька в полумраке даже не приметил. Присмотревшись к самой двери, поразился ее толщине – сантиметров двадцать серого, похожего на каменную плиту металла. Мурашки тут же зашпешили туда-обратно по спине. Точно, забираются в реактор! Правда, за плитой никакого реактора не обнаружилось. Нет, обычная лестничная клетка с некрашеными бетонными стенами. Лестница, уходящая куда-то вниз, в непроницаемую тьму. Лифтовая шахта – правда, раза в два шире обычной. Дверь у лифта на старинный манер, с обычной ручкой и железной сеткой, а не раздвигающимися половинками. Внутри лифта – желтоватый, убивающий всякую радость свет оплетенных проволокой ламп. И почему-то пара старых, тоже проржавевших стульев – видимо, чтобы ездить вверх-вниз с комфортом. Уже в лифте, заметив помертвевшее Колькино лицо, Диггер пояснил скороговоркой:

– Потерпи, недолго осталось. Сейчас спустимся еще метров на пятьдесят – и все.

Опять же, ни слова – куда и зачем. Хотя заранее был Колька уверен в ответе: «Едем взрывать атомный реактор. Сами, конечно, сгинем, но и оккупанты полягут все до единого». Двигались вниз плавно, почти без толчков – минуту, наверное. Когда лифт, наконец, застыл на месте и стало тихо-тихо, Колька ясно услышал как отчаянно барабанит его сердце. Диггер с Вороном переглянулись. Анархист улыбался хмельной улыбкой. Ворон, напротив, был серьезен и сосредоточен. Руки его по привычке ошупывали автомат. Пьяной, неуверенной походкой Диггер сделал один шаг, другой. Попробовал нажать на дверную ручку – та не поддавалась. Тогда он нетерпеливо навалился на нее всем телом, и дверь, заскрипев давно не использованным механизмом, все-таки открылась. Колька, охваченный и страхом, и любопытством, подался вперед. Черная, плотная как камень темнота. Световое пятно фонарика бессильно

металось по ней, скользило как по воде, а затем, отражаясь, возвращалось обратно. Однако по другим признакам – сильному сквозняку, что заносил внутрь лифта запах затхлого, пропитанного пылью пространства, по едва различимым звукам журчащей воды и еще какой-то внутренней радиолокацией Колька ощущал: перед ними большая пустота. А потом в этой плотной, сырой темноте внезапно вспыхнул свет. Мощный софит целил прямо в глаза. Шурясь и обливаясь потом от страха, Колька отпрянул назад, сбив по дороге один из стульев, и тот с ужасающим грохотом опрокинулся на пол. Казалось, это станет предвестником чего-то ужасного. Взрыва, обвала, потока холодной воды из подземной речки, способного за несколько секунд поглотить их лифт. Но Диггер, чей силуэт отчетливо прорисовывался на фоне светлого прямоугольного контура, неожиданно спокойно сказал:

– Вылезайте, приехали.

– Куда? В *реактор*? – сорвалось страдальчески у Кольки.

Диггер не сразу сообразил, о чем речь. Потом смеяться не стал, ответил серьезно:

– Нет, в подземный город Раменки. И сдастся мне, тут могут быть живые обитатели.

* * *

Голдстон проснулся сам, без будильника, ровно в шесть утра. На улице было еще совсем темно. Свет прожектора за окном широкими мазками рисовал на стене огромные изображения занавесок и стоящего боком книжного шкафа. Детское воспоминание на пару секунд полностью завладело телом, создав иллюзию, что времени просто нет. Тени. Страшные тени от уличного фонаря, до крика пугавшие его лет в десять. Они казались призраками умерших, исполнявшими какой-то потусторонний танец. Когда, заплакав, он прибежал однажды в спальню к отцу, тот, проснувшись, потрепал его по голове: «У тебя богатое воображение. Это хорошо». Отец вспомнился на удивление четко, как на контрастном черно-белом фото. До самых мелких морщин, до каждой веснушки и последней поры на благостном, отрешенном, как у святого, лице. Мать обычно приходила иначе – безлично и не через голову. Внутри взрывалось что-то горячее, и из этого взрыва прорастало ощущение раннего-раннего детства, даже еще младенчества. Когда ты – еще не ты. А отделившийся, научившийся самостоятельно ходить, дышать, питаться кусок плоти другого человека. Твое имя нужно лишь для того, чтобы различать тебя и ее. Джон Голдстон. Сегодня с утра он нашел себя легко и без мучений.

За окном раздались неторопливые, вальяжные шаги. Кто-то вполголоса отдал команду по-немецки. Патруль. Потом часы на Спасской башне ударили с переливами один раз. Четверть седьмого. Вместе с металлическим, тугим боем часов пришло ощущение сюрреалистичности происходящего – зашкаливающей, даже гротескной. Вчера, контуженому, полуживому, было не до того. Но сейчас эта дикая реальность потоком хлынула внутрь, затопляя сознание, переливая через край. Джон Голдстон, что, кажется, еще вчера работал аналитиком в лондонском Сити, просыпается утром под бой курантов за Кремлевской стеной и слышит немецкую речь патруля, одетого в модернизированный вариант военной формы вермахта⁹. Абсурд! Полный абсурд! Выглядит так, словно несколько параллельных вариантов мировой истории, существовавших до того независимо друг от друга, совокупились в припадке безумия, породив химеру, от которой запросто сносит мозги. Он знает, где находится – и одновременно не понимает где именно. Что это? Конец истории? Или наоборот – новое начало? Рухнувшая Вавилонская башня или глина для новой лепки? Он представил ее, эту глину, зримо, прямо перед собой – кроваво-красная, плотная, с черными вкраплениями-точками миллионов и миллионов людей. Можно наклониться, запустить в нее руки – и лепить. Но вот что? Он не знает. Даже Кнелл наверняка не знает. Все мы там, внутри этой самой глины, подумал Голдстон о бесчисленных

---

⁹ Вооруженные силы нацистской Германии в 1935–1945 гг.

черных точках. Движемся бесцельно туда-сюда. Но кто же тогда будет лепить? Кто измыслит эту самую новую форму?

Куранты пробили половину седьмого. Вздрогнув, он очнулся. Пора было возвращаться в реальность, какой бы дикой она ни казалась.

* * *

Визит к московскому генерал-губернатору Боссю – вообще-то формальный и ненужный – придумал Кнелл.

– У Свенссона чутье как у собаки... Хотя нет, как у бабочки. Недавно узнал – бабочки улавливают запахи за десять километров. Представляешь? В общем, если этот костолом заподозрит, что ты приехал в Москву ради физика, им сразу займутся профессионалы. Поэтому ходи и спрашивай у всех подряд про газопровод. Запугай их как следует, чтобы они больше ни о чем не думали!

Запугивать губернатора Голдстон отправился сладко зевая – сразу после завтрака с отличным кофе и теплыми, из печи круассанами. Губернаторская резиденция находилась здесь же, в Кремле, в паре минут неторопливой ходьбы. Обойдя по периметру бело-желтое, с колоннами, здание гостиницы, он сразу очутился перед узкой, похожей на тоннель аркой. Она вела в скромный по размерам, мощный булыжником внутренний дворик неправильной формы. Голдстон сделал один шаг, другой и застыл на месте, пытаясь ухватить какое-то необычное ощущение. Было прохладно, даже морозно. Как и вчера, небо зашторивала навевающая депрессию серая хмарь. Оттуда, сверху, сыпалась легкая, едва различимая в сумрачном утреннем свете, но осязаемо покалывающая кожу снежная крупа. Дворик, отгороженный стенами здания от остального мира, сверху плотно, без зазора, накрывала крышкой полная, почти физически осязаемая тишина. Такую можно услышать, пожалуй, только в церкви или на кладбище. Подчиняющую себе, заполняющую тело вязкой сущностью, от которой живущее в нас время тяжелеет, замедляется, а сознание растворяется в чем-то, что не требует по отношению к себе ни одной рациональной мысли. Простояв так минуту или две, Голдстон с усилием, словно нужно было преодолеть невидимую преграду, двинулся дальше.

В холле Сенатского дворца, куда он направлялся, тоже оказалось на удивление пусто и тихо. Но побеленные стены и блестящий паркет, напротив, смотрелись неуютно, сразу придавило чем-то официальным и протокольным. Все еще размышляя о пережитом во время короткой прогулки по Кремлю, Голдстон молча показал на входе свой голографический жетон двум офицерам в черной форме, потом оставил шинель в гардеробе. Снова вспомнил о генерал-губернаторе, только когда начал подниматься на второй этаж по устланной толстым ковром лестнице с ослепительно белыми, скользкими как лед перилами. Боссю представлялся ему персонажем заурядным, в любом случае не стоящим того, чтобы тратить на него целый час времени. До войны сделал чиновничью карьеру в Совете по развитию туризма во Франции. Удачно выбрал момент для вступления в Партию спасения Европы, через полгода триумфально победившую на выборах в Европарламент. Когда началась интервенция и повсюду принялись судорожно отыскивать «специалистов по России», Боссю, прежде приезжавший в Москву на неделю французского кино и тому подобные мероприятия, увидел здесь свой шанс. Его письмо о необходимости спасения местных «культурных памятников» растрогало эмоционально неустойчивого канцлера. Француза назначили главой гражданской администрации с помпезной задачей «сохранить значимые для европейской цивилизации культурные и исторические артефакты». В реальности, конечно же, фигура генерал-губернатора являлась чисто символической. Все задачи по организации жизнедеятельности в окруженных Стеной кварталах выполняла армия. Обеспечивала здесь безопасность, завозила продовольствие и топливо.

На лестнице, а потом и в коридоре, куда завернул Голдстон, черными, неподвижными столбами его встречали через каждые десять метров офицеры Управления безопасности. Тщательно подогнанные друг к другу по росту и комплекции, они смотрелись такой же неживой деталью интерьера, как и развешанные по стенам хрустальные светильники. Когда число черных столбов превысило двадцать, Голдстон внезапно почувствовал на шее цепкие пальчики ярости. Лучше бы этих мблодцев отправили охранять шоссе из аэропорта или массовка для театральной постановки «Боссю – пуп Вселенной» важнее всего? В его болезненном, еще пограничном состоянии оказалось легко найти виновного в своих злключениях. Когда он добрался до массивных трехметровых дверей приемной, волна раздражения и неприязни к губернатору уже походила на штормовую. Надутый от важности лягушатник. Тщеславный болван. Изображает здесь Наполеона, захватившего Москву двести лет назад...

– Штабс-капитан Голдстон?

Кажется, была вспышка. Примерно такая же, как у обычной фотокамеры. Он зажмурился и вот так, ослепнув, сделал по инерции еще пару шагов. Когда снова глянул на мир, увидел глаза – зеленые, но при этом с уловимым теплым отливом синевы. Вопреки всем законам физики, они стягивали пространство вокруг в две яркие точки, затемняя остальные отражающие свет материальные предметы.

– Меня зовут Сима. Я помощница генерал-губернатора.

Голос глубокий, но при том в чем-то неуверенный. Совсем без русского акцента. Усилием воли Голдстон оторвал взгляд. Тряхнул едва заметно головой, чтобы избавиться от навязывания. Так вот и начинают верить в ведьминские привороты. На самом деле просто необычный цвет глаз. Повременив немного, он осторожно, будто стоял перед смертельно опасными очами Горгоны Медузы, снова покосился на помощницу Боссю, с которой столкнулся почти на пороге. Круглое, присыпанное французскими веснушками лицо. Узковатый, чуть монгольский разрез глаз. Пухлые, почти детские губы, отчего-то слегка скошенные в одну сторону. Стянутые в хвост темно-каштановые волосы. Вдруг он понял: что-то не так. Она смотрела на него слишком серьезно. То ли с удивлением, то ли даже с ужасом.

– Сима?

– Или, если полностью, Серафима. Се-ра-фи-ма.

Повторила по-русски. Опять очень серьезно.

– Что-то библейское?

– Да. Переводится с еврейского как «огненный». Серафимы в христианской традиции – высший разряд ангелов. Человек может их увидеть только в виде огня.

Голдстон ответил – вполне искренне:

– В вашем взгляде правда что-то обжигает. Неудивительно, что мне уже успели про вас рассказать.

И вот тут она дернулась. Едва заметно, но он увидел.

– Неужели? Надеюсь, никаких сплетен?

Голдстон мысленно подмигнул себе. Красавица из заколдованного замка сама идет к нему в руки. Даже не нужно петь фальшивые серенады под ее балконом.

– Вы будете на приеме? Тогда расскажу все вечером. Иначе придется объяснять генерал-губернатору, почему я предпочел ваше общество. Хоть он и француз, может не понять.

Сима попробовала улыбнуться, но получилось не очень. Ее непонятный взгляд опять ощутимо прижег кожу на лице.

* * *

Генерал-губернатор Боссю как истинный француз обосновался в Кремле *avec chic*¹⁰. Голдстон уже знал, что аудиенция состоится не где-нибудь, а в бывшем президентском кабинете. Впрочем, статусное место вызвало лишь новый приступ болезненного раздражения. Темно-коричневые деревянные панели, тоскливого вида мебель – кремлевский дух застывшего времени был беспощадно изгнан отсюда в угоду тому, что осуществившие этот акт вандализма дизайнеры воспринимали как удачное сочетание комфорта и делового стиля. Правда, уже в следующую секунду Голдстон едва не расхохотался в голос. Прямо за спинкой генерал-губернаторского кресла, под сияющим позолотой двуглавым российским орлом, в самом деле обнаружился портрет Бонапарта – при полном параде, с лавровым венком триумфатора на голове. Причем внушительных размеров картина бульдозером разрушала всю симметрию пространства вокруг, делая кабинет каким-то кривобоким и недоделанным.

Наполеон глянул на Голдстона холодно и подозрительно, будто знал, что заявился тот сюда с недобрыми намерениями. Сам генерал-губернатор, напротив, был демократичен как политик накануне выборов. Сорвался с места навстречу, долго тряс руку. Скорее всего, даже разучил заранее приветственную фразу, которая изверглась из него бойкой скороговоркой. Слова обстукали Голдстона со всех сторон как залп сухим горохом. Он едва успел уловить смысл.

– Приветствую, дорогой штабс-капитан! Как самочувствие? Отдохнули? Хорошо ли спится в Кремле?

Тра-та-та-та-та!

Забавно, но даже столь невинные вопросы Боссю умудрялся задавать с легкой снисходительностью небожителя. Возможно потому, что, как бы ни спалось Голдстону, француз наверняка спал гораздо больше и лучше, чем он, вкуснее ел, слаще пил. Его довольное жизнью лицо пятидесятилетнего бездельника было словно скопировано с рекламы дорогого парфюма из старого, доброго, докризисного мира. Загорелая кожа – интересно, где он умудрился здесь загореть? Притащил с собой в Москву солярий? Седые кудряшки, прищуренные отчаянно-голубые глаза, отработанная годами физкультурных упражнений улыбка. Все вместе наверняка сводит с ума женщин в промышленных масштабах, хотя вот ростом, конечно, он малость не вышел... Но Голдстон – не какая-нибудь двадцатилетняя дура, что тут же кинется на шею этому франту, одетому в помесь военного мундира и гражданского костюма цвета хаки. У него на Боссю совсем другие виды.

– Из-за контузии спалось не очень. Думаю, вы в курсе – на пути из аэропорта мой автомобиль поджидала партизанская засада.

Сожаление по поводу чудовищного инцидента и несказанная радость видеть гостя живым. Все разом выплескивается на лицо Боссю из заранее приготовленного флакона.

– Ужасно! Возмутительно! Партизаны вконец обнаглели!

– Возможно потому, что неплохо информированы. Как сообщил мне полковник Свенссон, дерзкая диверсия в Торжке удалась лишь по той причине, что система охраны была недальновидно отключена из-за аварии на трубопроводе. Возникает логичный вопрос – как партизанам удалось столь удачно угадать со временем и местом?

Боссю опустил глаза. Начал перекачивать туда-обратно по столу золотую авторучку.

– Да, это странно. Весьма странно... Надеюсь, оберст Свенссон все оперативно выяснит...

---

¹⁰ С шиком (*фр.*).

Голдстон кивнул в знак согласия – он тоже полностью доверяет шефу контрразведки в данном вопросе. Добавил как бы в развитие тезиса губернатора:

– Герр оберст попросил меня по мере сил принять участие в расследовании. Он не исключает утечки информации. Нападение на мою машину по пути из аэропорта также выглядит подозрительно... Насколько я понял, вы не были в курсе аварии на газопроводе?

Вместо ответа генерал-губернатор широко улыбнулся, показав полный комплект нечеловечески красивых зубов. Но Голдстон упрямо молчал, и эта неуютная пауза тут же превратила беседу в допрос. Ладони Боссю начали рассеянно хлопать по поверхности стола, словно в попытке поймать там невидимое насекомое. Портрет на стене тоже, кажется, переменялся в лице – Наполеон выглядел испуганным и растерянным, как будто ему только что сообщили о внезапном наступлении русской армии.

– Так вы знали об аварии?

– Нет! Конечно же нет!

Они еще помолчали. Боссю все-таки взял себя в руки, причем в буквальном смысле – сцепив замком лежавшие на столе ладони.

– Штабс-капитан, моя миссия в Москве имеет главным образом гуманитарный и культурный характер... Надо оставить местное архитектурное и художественное наследие для будущих поколений европейцев. Оно, поверьте, уникально. В Европе часто принижали значение русской культуры в угоду политическим соображениям...

Быстро же ты сдулся, красавчик, рассеянно подумал Голдстон. Окинул с видом завоевателя кабинет. Взгляд снова прицепился к триумфатору Бонапарту.

– Неужели последний президент России был поклонником Наполеона?

Даже через плотный загар было заметно, как покраснел генерал-губернатор.

– Картину повесил я... Это Франсуа Жерар¹¹, портрет императора с живого оригинала для зарубежных представительств империи... Мы взяли его на временное хранение из Пушкинского музея... Здесь... здесь ему абсолютно ничто не угрожает...

Да, за одним исключением. Когда ты, мон ами, отсидишь срок в Кремле и начнешь паковать чемоданы, можно поспорить, что картину погрузят на трейлер с твоим барахлом... Голдстону внезапно стало смертельно скучно. Пора закругляться. Пара формальных вопросов, и можно будет вернуться к огненному ангелу в приемной. Еще раз попробовать посмотреть ей в глаза. Се-ра-фи-ма... Она так забавно сказала это по-русски.

– Много объектов в Москве признано европейским культурным наследием?

Боссю сразу приободрился.

– Более пятидесяти. Если быть точным – пятьдесят три. Некоторые из них, правда, расположены за Стеной.

Голдстон недоуменно воззрился на генерал-губернатора. Тот понял его немой вопрос.

– Как мы можем гарантировать сохранность находящихся за Стеной архитектурных памятников? Армейское командование выделяет на эти цели почти тысячу человек. Причем мы их ротлируем. Чтобы они не теряли квалификацию без реальной службы...

– Тысячу?

– Большинство заняты всего на двух объектах, – торопливо добавил Боссю, словно у гостя имелись полномочия урезать общую цифру. – Это Новодевичий и Донской монастыри, два замечательных архитектурных памятника шестнадцатого столетия. Поверьте, они не уступают в красоте лучшим французским замкам! Да, и оба монастыря действующие. Через них мы распределяем среди подмосковного населения гуманитарную помощь – сухпайки, одеяла, сборники выступлений канцлера. Этим занимается моя помощница, кстати, правоверная христианка, которая регулярно выезжает в Новодевичий монастырь. Представляете, несмотря на

---

¹¹ Франсуа Жерар (1770–1837) – французский художник эпохи ампира.

ужасные условия, здесь еще остаются тысячи русских. Живут как их предки, топят печки дровами и едят один картофель. Она принимает близко к сердцу страдания этих несчастных...

Боссю продолжал что-то говорить, но Голдстон уже не слушал его, пораженный странной догадкой. Вот он, нервный интерес к тому, что рассказывают о ней за глаза! Оказывается, прекрасная Горгона бывает за Стеной. В монастыре, через который проходит за неделю не одна сотня русских.

– Ваша помощница... – осторожно начал он, перебивая цветистые рассуждения Боссю.

– Симá?

Боссю, конечно же, произносил ее имя на французский манер, с ударением на последней гласной.

– Серафима... Как давно вы ее знаете?

– Более десяти лет. Она работала со мной еще в секретариате Совета по развитию туризма... А что такое?

– Ваша помощница знала о моем приезде? Точное время прилета?

Генерал-губернатор нетвердо кивнул.

– Думаю, да... Так как планировала нашу встречу, то наверняка получила полную информацию из канцелярии оберста Свенссона...

Тут до Боссю, наконец, дошло. Еще одна нечеловеческая улыбка полыхнула сверхновой в кабинете. Наверное, улыбается так каждый раз, когда чувствует растерянность.

– Боже мой, штабс-капитан! Неужели контузия возбуждает воображение? Я ей полностью доверяю. Почти как самому себе... Коммуникация с партизанами отнюдь не входит в круг ее обязанностей, только график моих мероприятий и встреч... Мать увезла ее из России в Париж совсем ребенком. Она не русская – француженка, которая свободно говорит по-русски. Слишком хрупка, слишком чувствительна для... всего этого.

Боссю неопределенно махнул рукой, но было понятно, что он хочет передать. Бесконечные замерзшие поля. Холод. Серое небо. Россия, одним словом.

– Она как-то высказывалась в вашем присутствии по поводу интервенции?

– Насколько я знаю, Сима разделяет общую точку зрения. У нас не было иного выхода как вмешаться. Последний режим сам довел страну до военного переворота и хаоса. Она не раз выражала возмущение тем, что мы сделали премьером сибирского правительства Лукина, который долго был главным кремлевским стратегом и, по ее мнению, несет ответственность за все, что произошло...

– Ваши слова скорее свидетельствуют о симпатиях к ее исторической родине.

Боссю в ответ изобразил на лице что-то неприлично-сладострастное.

– Бросьте, штабс-капитан. Мы тут все обожаем Россию. Ее нефть, газ, лес, золото и уголь. Особенно когда за это ничего не нужно платить.

Голдстону показалось, что Наполеон за спиной Боссю после этих слов окончательно приуныл. Подумалось с неожиданным злорадством: вот кому пришлось сполна расплатиться за награбленное в Москве. За все и всегда приходится платить.

* * *

Ближе к полудню над Москвой по-прежнему висела серая, осыпаящаяся снежной пылью хмарь. «Говорят, так солнечно здесь двести дней в году, – с юмором сообщил дежурный по этажу, у которого Голдстон должен был отмечать каждый свой приход и уход. – Лучше бы мы оккупировали Таиланд. Жаль, там мало газа». Но Голдстон, подумав о Таиланде, с удивлением понял: будь у него выбор, он, пожалуй, не захотел бы сменить невзрачные декорации за окном. Взгляд вверх, на плотно зашторенные небеса, раз за разом вызывал приятный спазм внутри. По телу снова расходилось волнами пережитое утром в Кремле. Тишина – вечности, абсолюта.

От совершенства, от невозможности добавить что-то еще. Особое, неземное состояние жизни. Вхождение в него – физически, телом. А потом и парадоксальное, непонятное осознание себя его частью. Похоже, именно подспудное желание постоянно искать глазами небо снова выгнало его на улицу ближе к полудню. До обеда с физиком, назначенного на четыре, оставалась уйма времени. Действительно, почему бы не пройтись по Москве?

– В городе безопасно?

Вопрос дежурному был задан скорее этикета ради. Из сводок Голдстон прекрасно знал о почти нулевой криминальной статистике. Территория небольшая, половина населения военные, везде видеокамеры.

Офицер ответил на удивление складно, возможно давал такие пояснения не впервые.

– Абсолютно, штабс-капитан. Вот карта, там отмечено несколько возможных маршрутов. На Тверской есть хорошие супермаркеты. Дороговато, конечно, но найдется все, даже омары. Рекомендую выставку картин в Манеже, открылась только вчера. Вот приглашение. Это недалеко, буквально триста метров отсюда.

Смешно. Как в каком-нибудь отеле до войны. Интересно, зачем сюда привозят омаров? По личному заказу Боссю? Выставка картин, помпезно называвшаяся «Пять героических лет», посвящалась пятилетию прихода к власти Партии спасения Европы. На приглашении красовалось творение некоего Петера Бойля «Канцлер подписывает приказ о начале военной операции в России». Замысел, похоже, заключался в том, чтобы передать сложные чувства, одолевавшие канцлера в тот непростой исторический момент. Чувств, однако, получилось так много, и они столь не уживались друг с другом, что канцлер скорее походил на законченного шизофреника в период обострения. С унылым вздохом Голдстон положил приглашение в карман, чтобы избавиться от него при первой же возможности. Развернул неторопливо карту. В глаза сразу бросилось несколько ярких, разноцветных пятен. Кремль, Большой театр, станция метро «Площадь Революции», здание КГБ на Лубянке, первый советский «Макдоналдс», Третьяковская галерея. Полный комплект, от живописи до фастфуда. Жирная красная линия, почти повторяющая окружность Садового кольца – Стена, которую Голдстон вчера так и не увидел. Четверо ворот, Тверская упиралась прямо в одни из них, «Северные». За Стеной, по всему ее внешнему периметру, шла покрытая слепой штриховкой территория. Мертвая зона.

Оценив масштаб карты, Голдстон прикинул себе ленивый маршрут часа на два. Попрощавшись с услужливым офицером, прогулочным шагом вылез на обставленную железными барьерами, словно закованную в кандалы, Красную площадь. Напротив Спасской башни дежурили два новеньких, похоже прямо с конвейера пятнистых бронетранспортера. Еще один маячил неподалеку, у въезда на широкий мост через реку. На Тверской, начинавшейся прямо от Кремля, военной техники не было, но навстречу вялым потоком текли только мужчины в форме – патрули, отпускники, командированные. Понятное дело, немедленно нарисовался знакомый из берлинского министерства. Тоже ходил, глазел на все вокруг как в зоопарке. Попросил сфотографировать себя на фоне колоритного советского герба, украшавшего вход в здание телеграфа. Герб висел слишком высоко, прохожие то и дело беспардонно лезли в кадр, потому найти место для нужного ракурса оказалось непросто. Голдстон почти вспотел от усердия. Ампириная Тверская непостижимо сияла и блестела всеми своими томными изгибами даже под сумрачным московским небом. Ни одного разбитого или замызганного стекла. Ни окурка на тротуарах. Ухоженные фасады наверняка пустующих домов выглядели действительно живыми. Половина магазинов не работала, но наготу витрин маскировали гигантские, в человеческий рост патриотические плакаты, до хрипоты выкрикивающие прямо в мозг вряд ли кому-то нужные в этом городе лозунги – «*Партия спасения Европы – наш шанс на достойное будущее!*», «*Европейские нации – в единстве наша сила!*», «*Незаконный мигрант ест хлеб твоих детей!*». Голдстон вспомнил, как однажды в присутствии Кнелла прошелся по оче-

редному перлу специалистов из Министерства информации. Кнелл в ответ неожиданно насутился:

– В лозунгах как таковых нет ничего плохого. Просто лозунг – товар скоропортящийся, Джон. У него тоже есть срок годности. Пять лет назад, когда начались перебои с продуктами, такие слова были очень в тему. Это помогло обеспечить каждой семье горящую газовую горелку на кухне, сто литров бензина, килограмм сливочного масла и пятнадцать батонов белого хлеба на месяц. Сейчас нужны новые лозунги.

– Новые? Какие? – спросил Голдстон по инерции.

Уткнувшись бессмысленным взглядом в бумаги у себя на столе, Кнелл молчал с полминуты. Потом все же ответил.

– Сначала должны появиться идеи. Но с идеями трудно, поэтому и лозунги остаются прежними.

– Разве не ясно? – засмеялся Голдстон. – Двести литров бензина, два килограмма сливочного масла и тридцать батонов хлеба.

Кнелл вздохнул:

– Этот вариант уже не сработал. Попытки свести смысл существования человека к тому, чтобы поплотнее набить ему брюхо, всегда завершались или большой резней, или большим обманом. Нет, нужны идеи, Джон. Даже так – *большие идеи*.

Сразу после телеграфа Голдстон обнаружил с десяток кафе и ресторанов, тоже под завязку забитых военными. Названия звучали на удивление банально. Что-то вроде «Елисейские поля» и «Венеция». Никто не блеснул оригинальностью, окрестив заведение «Калашников» или же «Партизанская берлога». Воздух в этой части улицы так пропитался горячими запахами кофе и еды, что, казалось, можно утолить голод просто вдыхая его в себя. В одной из забегаловок кто-то, забавляясь с караоке, пел живую песню Джо Дассена.

Loin loin dans l'avenir
Y'a-t-il un chemin pour nous reunir?
Viens, viens n'importe quand
Je t'attends ma derniere chance¹².

Голдстон не очень хорошо знал французский, но общий смысл почему-то зацепил его. Подумалось тоскливо – нет никого, о ком бы он мог так сказать. Нет места, куда бы он хотел, чтобы привела его дорога. И нет шанса, который он мечтал бы использовать. Ничего этого нет. Скорее всего и те люди, которые поют это и слушают, тоже просто повторяют ничего не значащие для них слова. Тогда какой же здесь смысл? Зачем петь, зачем слушать эти песни? Он посмотрел на лица идущих навстречу совсем другим взглядом, разочарованным и придиричьим. Теперь все вокруг казались слишком довольными, чересчур возбужденными и веселыми, как будто массовка переигрывала на съемках фильма. Тверская выглядела ожившей глянцевой открыткой – яркой, но при том совсем двухмерной. И вот тут, тоже почувствовав себя почти картонным, Голдстон, наконец, увидел Стену. Так, как и грезил о ней на шоссе из аэропорта. На сером, зыбком горизонте проступили очертания гигантской, почти квадратной башни. Словно невероятных размеров океанский лайнер пытался войти в узкий канал Тверской. По контрасту с двухмерной реальностью вокруг Стена имела осязаемый даже на расстоянии объем, то самое пространство, куда он попадает в своих ночных кошмарах. Голдстон с усилием втянул в легкие побольше воздуха, опять теряя границу между реальным и кажущимся. Его начало мутить, в голове проснулись пульсирующие точки. Он отвел взгляд, попробовал идти дальше глядя

---

¹² Далеко-далеко в будущем Есть ли дорога, которая нас опять соединит? Приходи, приходи, неважно когда Я жду своего последнего шанса (фр.).

себе под ноги. Прошел так еще метров тридцать и понял: не помогает, симптомы усиливаются. Похоже, все-таки не выдержал свидания один на один. Вспомнился бравый лейтенант Марчелло. «Каждый раз, когда вижу Стену, почему-то хочется перекреститься... Честное слово!». Может, и правда перекреститься? Или позвать на помощь ангела? Он же теперь знает одного... Се-ра-фи-ма... На лицо будто повеяло теплом. Он попробовал еще раз. Се-ра-фи-ма... В конце концов Голдстон спрятался от взгляда Стены, занырнув в какую-то боковую улочку – и тут же очнулся в ином мире. Четырех-пятиэтажные облезшие дома мышиного оттенка, выбитые или заколоченные окна, оторванные сточные трубы. Почти сразу его окликнули на ломаном английском:

– Ищите что-нибудь? Хорошо провести время?

Женщина, одетая в короткую, расстегнутую черную дубленку, в сапогах на запредельно высоком каблуке, стояла сразу за крытым железом входом в подвал и курила, опустив тонкую сигарету вниз, как соломинку для коктейля. Лет тридцать. Симпатичная. Накрашена, хотя и в меру. Он не разу понял, зачем она здесь. Когда дошло, захотел поскорей пройти мимо, чтобы не сойти за жаждущего.

– А, ты турист просто, – пробормотала она уже по-русски. – Ну иди, иди лесом, голубок. Только там все равно тупик.

Он не захотел показывать, что понял ее. Медленно дошел до места, где переулок слегка забирал вправо, и только потом развернулся, надеясь, что женщина уже покурила и ушла. Но нет. Появилась и вторая, несмотря на холод почти совсем раздетая, в голубом платье с голыми плечами и просвечивающей через полупрозрачную ткань красивой овальной грудью. Тоже курила, задумчиво глядя куда-то вниз, на замерзший тротуар.

– Смотри-ка, красавчик какой белобрысый, – заметила она Голдстона. – Видела его уже? Первая молча кивнула в ответ.

– Эй, мистер! Русские девушки! Хотите познакомиться? Меня зовут Лена. Всего пятьдесят евро за час знакомства!

Набор английских фраз с акцентом звучал до тошноты пошло. Голдстона и без того мутило. Заставив себя вежливо улыбнуться в ответ, он ускорил шаг.

– Вот сволочь, – догнала его ругань на русском. – Чего здесь только шляется? Улыбается, а ведь нас за людей не считает! Проститутки мы! Грязь!

Первая возразила ей – тихо, но как-то очень твердо:

– Зря ты так, Ленка. Лицо у него хорошее. А мы кто с тобой? Пятьдесят евро за час. Только того и стоим.

Фраза эта, едва им услышанная, непонятно почему притормозила Голдстона, заставила почти остановиться. Стало неловко – может, и правда кого-то обидел? Он обернулся, чтобы ответить по-русски, даже еще не понимая, что именно скажет, и окаменел. Те, прежние, женщины исчезли. У входа в подвал, скрестив на груди руки, стояла Мэри – несмотря на холод, абсолютно голая. Прежняя реальность переродилась в новую без единого шва. Ни одной зацепки, чтобы сказать себе – бред, игра воображения. Голдстон зажмурился, потом снова открыл глаза. Мэри осталась на прежнем месте.

– Подойди и потрогай, если не веришь.

Он приблизился, стянул медленно с руки перчатку, положил ладонь на ее голое плечо. Кожа была самой настоящей, теплой.

– Что ты здесь делаешь?

– Хочу тебе помочь.

– Помочь?

– Эта женщина. Она опасна.

Голдстон вздрогнул.

– Какая женщина?

- Она уже пыталась убить тебя. Она попробует сделать это снова.
- И что же мне делать?
- Беги отсюда. Уезжай как можно быстрее.

Зрение, обоняние, осязание работали только на одно – найти доказательство, что перед ним галлюцинация. Пусть все, в самых мелких деталях, убеждало в обратном. Замерзшая, гусиная кожа на груди. Короткие волосы, отзывающиеся на каждый слабый порыв ветра. Запах знакомого парфюма. Доказательств не было. И все же она лгала. Он откуда-то знал это наверняка.

- Я не верю тебе, – сорвалось само собой.

Лицо Мэри перекошилось, серые глаза налились чем-то тяжелым, челюсть пошла вниз и вперед, открыв белые, мелкие зубы. Она коротко размахнулась и ткнула Голдстона в живот расправленной ладонью. Та, будто нож, легко вошла в него по самое запястье. Густой кровавый фонтан брызнул на голое тело, оставляя там и здесь на белой коже плотные бесформенные сгустки. Голдстону перебило дыхание, он согнулся пополам, чувствуя внутри себя то сжимающую, то распрямляющую пальцы руку. Не удержав равновесия, начал заваливаться вперед и рухнул плашмя, тут же ослепнув от растекшейся по асфальту собственной крови.

* * *

Пережитое за последние три года словно покрыло Кольку толстой, непробиваемой скорлупой. Походил он на замороженный намертво в ледник гранитный валун. Не сдвинуть с места, как ни пытайся. Сложно удивить, растормошить в нем любопытство, а уж тем более заставить фантазировать. Поспать, поесть досыта, остаться живым – вот и все мечтания партизан. Жизнь проходит согласно простым, двумерным правилам. Даже инстинктам, что ближе зверю, а не человеку – «опасно-безопасно», «холодно-тепло», «голодно-поел». Но после рассказа Диггера внутри сразу что-то зашевелилось, оттаяло, выпустило на волю заостеневшее из-за серого, примитивного быта воображение.

Оказывается, существовало *целых две* Москвы. Одна, обычная, на поверхности. Другая, тайная, под землей. За семьдесят лет коммунистической власти в городе выкопали не только метро для таких, как Колька, но и много еще чего, о чем знали только избранные. Тоннели, бункеры и склады уходили на трехсотметровую глубину, упираясь местами в непробиваемые гранитные породы. Началась эта секретная стройка с десятка бомбоубежищ, где Сталин скрывался в войну от немецких бомбежек. Часть из них соединили тоннелями, чтобы никто не знал наверняка, в каком именно бункере вождь находится в данный момент. Когда же американцы испытали атомную бомбу, Москва начала расширяться вглубь почти с такой же быстротой, что ивширь. Несколько сталинских бункеров очень скоро превратились в систему «военного метро», которое по своей сложности и разветвленности мало чем уступало «гражданскому». В конце шестидесятых замахнулись уже на целый подземный город. Выстроили его в Раменках, неподалеку от новой высотки МГУ. То есть был это, конечно, не город никакой, а многоуровневый резервный командный пункт, но размерами и возможным числом обитателей вполне мог сойти за какой-нибудь райцентр. Ученые в неизвестном институте рассчитали, что тут, на глубине в сто метров, несколько тысяч человек после наступления «ядерной зимы» смогут продержаться целых тридцать лет, питаясь консервами и получая энергию от трех автономных электростанций. Вопросом, что случится с ними потом, похоже никто особо не задавался. Но объект получился что надо – с бассейном, кинотеатром и библиотекой. Железнодорожным тоннелем он соединялся с линиями «военного метро» более высокого залегания. Попасть в Раменки-подземные можно было и через несколько вентиляционных шахтных стволов: в мирное время по ним спускались вниз отряды спасателей, случись что-либо нештатное.

Командир искал под землей вовсе не мифический атомный реактор, как заключил сначала Колька. Нет, хотел выяснить, можно ли в самом деле, как уверял Диггер, пройти через секретные тоннели под Стеной. Метро обычное, как знал даже Колька, интервенты где затопили, где подорвали, опасаясь таких вот сюрпризов. Но военное метро почти везде залегало глубже, а все «переходы» герметично блокировались. Ветка, на которую доставил их лифт, соединяла Кремль с аэропортом Внуково. Была она, рассказывал Диггер, когда-то самой первой, проложили ее сразу после войны. Станций построили всего пять. «Кремль», «Министерство обороны», «Раменки», «Академия Генштаба» и «Внуково». На логичный Колькин вопрос, почему интервенты до сих пор не облазили секретное метро вдоль и поперек, раз даже парикмахер Диггер про него слышал, Ворон ответил так:

– Одно дело слышать, а другое знать, как туда залезть. Да и вообще – очень я сомневаюсь, что интересны им всякие антикварные бункеры... У них, поверь, поважнее были дела. Ядерные боеголовки, к примеру, вывезти от греха подальше. Или охрану газовой трубы обустроить. Интервенты люди конкретные, легендами и мифами не занимаются. А тут сам видел – «Сделано в СССР», все ржа поела... Старье заброшенное. Думаешь, не докладывали их разведки, что мхом заросло секретное подземное хозяйство?

– Старье-то старье, – не сдавался Колька, – но работает. Вот, даже электричество есть.

– Да это так, по привычке, – отмахнулся Ворон. – Как научные институты поддерживали на плаву после СССР – безопаснее было людям копейки платить, пока сами не перемрут, чем выгонять на улицу. Может, обычное метро тоже накрылось бы, если тут вообще все отключить.

Помолчав, добавил – видимо, чтобы не искушать судьбу:

– Хотя все возможно. Как раз и проверим, есть тут кто живой или пусто.

Кто помог им проникнуть под землю – дал карты, раскрыл коды, – Кольке рассказывать не стали.

– Не твоего подросткового ума дело, – невежливо ответил на прямой вопрос Ворон. – Лучше держи палец, где надо, Головастик. Я не нос имею в виду, ты понимаешь.

Впрочем, Колька и сам догадывался, откуда ветер дует – из-за Урала. Там, в Сибири, наши копят силы для удара по интервентам. Как разузнали про секретное метро? Да вот, к примеру, Диггер однажды трепался про «второй президентский чемоданчик». В первом, о котором знали все и который повсюду под прицелом фотокамер таскали за президентом, находилась «ядерная кнопка». Второй, никому неизвестный, был вроде переносного сейфа с секретной информацией. Хранилось в нем на жестких дисках все, что только можно – от подробных схем главных мостов и трубопроводов до адресов наших агентов за границей. Может, в суматохе переворота оказался тот самый чемоданчик за пределами Кремля и теперь попал в нужные руки. Или, что больше похоже на правду, был в Сибири резервный центр управления страной – на случай войны или другой чрезвычайной ситуации. Той самой, что теперь и настала.

* * *

Вид, открывшийся им из лифта, не представлял собой ничего особенного. Пустая бетонная коробка, по площади и высоте потолка напоминавшая баскетбольную площадку. Вместо колец – пара прожекторов древнего дизайна, один из них темный и ослепший. Было сухо и прохладно, отчетливо пахло камнями и пылью. Легкие с трудом принимали в себя спертый воздух, ощущалось это так, словно внутри груди сделали надрез ножом. Впрочем, болезненное ощущение быстро прошло. Диггер сделал один шаг вперед, другой – и тут застыл на месте как вкопанный, обшаривая глазами пустоту вокруг. Выглядел он как ушедший в иное измерение экстрасенс, наблюдающий предметы и явления, недоступные зрению обычных смертных. Может и вправду духов высматривает, содрогнулся Колька. Но тут заметил зловещий кровавый огонек под потолком.

– Камера, – неуверенный шепот Диггера отозвался эхом в могильной тишине. – Заработала, наверное, вместе с лифтом...

Колька, хоть и сам порядком оробел, с радостью уловил в голосе Диггера очевидную дрожь. Все, сломался парикмахер-анархист. Всю браваду с него как ветром сдуло. Не выдержал, как земля давит. Диггер, в самом деле, сказал бодро, скороговоркой:

– Ну что, возвращаемся? Все вроде посмотрели. Шахта в рабочем состоянии. Воды нет, сухо. Вернемся уже с отрядом и двинемся дальше по тоннелю. До центра города часа три хода, не больше.

Командир на фальшивку не купился, ответил так, как Колька от него и ждал.

– Нет, не возвращаемся. Нельзя людей просто так в черную эту дыру тащить. Давай, не робей. Сам же мечтал попасть в секретное метро. Сюда теперь, что ли?

Лифтовой холл переходил в узкий, неосвещенный тоннель метра три высотой. Диггер, покосившись на автомат Ворона, которым тот неосознанно махнул в сторону выхода, обреченно полез в рюкзак за фонарем.

– Ладно, пошли... Болтали, привидение Сталина по секретному метро шатается. Ты с ним тогда сам поговоришь, ладно? Как коммунист с коммунистом...

Он попробовал рассмеяться, но вышло похоже на хриплое карканье. От него стало еще неуютней.

Стены тоннеля оказались без всякой отделки – серый, изъеденный точками-оспинами бетон. Кое-где от железной арматуры по нему расходились затейливыми узорами ржавые подтеки. Слева вдоль стены щупальцами тянулись короба с проводами. Пару раз Колька заметил маркировку – старую, наверное, советскую. «ПР» или «ПК» – и какие-то цифры. Шли медленно и нудно, не меньше получаса, под ногами путались битые кирпичи и прочий мусор. Наконец луч Колькиного фонарика, до того утыкавшийся в бетон, оборвался, ушел в темноту. Стало заметно холоднее, хотя и без сквозняка. Впереди, понял он, большое открытое пространство.

– Тут у нас транспортная развязка, – доложил Диггер, подсвечивая свои бумажки желтым, дрожащим световым пятном от фонарика. – Само метро, смычка с Раменками, несколько пешеходных тоннелей... Смотрите под ноги, чтобы никуда не свалиться.

Фонари едва раздвигали плотно сбитые, стискивающие их со всех сторон массы тьмы. Потому, наверное, раменская станция показалась Кольке просто гигантской. Как природная подземная пещера, разве что без сталактитов. Ворон, правда, все прочувствовал по-своему:

– Вот же, мать твою, умели строить... – прохрипел восторженно, задрал голову и пытаясь нащупать лучом фонаря свод на высоте метров десять, а то и выше. – Словно циклопы здесь вкалывали, а не люди!

Схватил Кольку за плечи, сжал как безумный.

– Смотри! Смотри и запоминай! – голос его вибрировал от волнения, доходя на высотах до легкого повизгивания. – Вот оно, призвание русского человека! Делать то, чего другие даже вообразить не смогут... Нас поучали последние лет тридцать – надо, мол, превратить Россию в *нормальную европейскую страну*. Эдакую Бельгию на шестой части суши. Прикинь? Россию – в Бельгию! Это как если бы слон начал всем говорить, что он хорек... Таких умников сюда надо, под землю... Пусть смотрят! Россия создана для великих дел или ее вообще не будет!

Колька, представляя слона, который вдохновенно уверяет всех, что он хорек, только ухмылялся да растирал указательный палец, затекший на спусковом крючке автомата.

В темноте, как под водой – движения сильно замедлены. Вот так, будто водолазы, они обследовали шаг за шагом станцию. Та оказалась однопутной. Платформы как таковой не было вовсе – железный мостик с лесенками, пути с рельсами пролегли по неглубокой выемке в бетоне. Вдоль мостика шли подряд несколько боковых ответвлений, прикрытых незапертыми решетчатыми дверями. Ворон взял себе в голову осмотреть каждый боковой ход. В первом тоннеле их почти сразу спугнул противный химический запах – решили не рисковать, зажав

носы побежали обратно. Вторая дверь привела в тупик. Возможно, прежде здесь был небольшой склад. Но сейчас – просто пустой, пыльный и холодный каменный мешок. А вот третий ход, самый широкий из всех, оказался поинтереснее – еще одна многотонная, серая *гермодверь*, на этот раз беспомощно распахнутая настежь, а за ней просторный холл с двумя лифтовыми шахтами. Вот здесь Кольку по-настоящему тряхануло. Прямо над лифтами снова злое краснел глазок камеры.

– Что за лифты?

Диггер замялся. Пробормотал испуганно, косясь на камеру.

– Вниз. В сами Раменки думаю. Туда нам точно не надо, ты уж мне поверь.

– Уверен? – командир подошел к лифтовой двери, соскреб ногтем спрессованный налет пыли с цифрового замка, потыкал пальцем наугад. – Ты эти коды писал?

– Не давали нам этих кодов, – радостно заторопился Диггер. – Только спуск на главную ветку.

– Ладно, – согласился Ворон. – Возвращаемся.

Едва он это сказал, серые, покрытые пятнами ржавчины створки лифта разъехались в стороны с металлическим, вытягивающим душу скрипом. От неожиданности командир отпрянул назад, поскользнулся и с криком боли приземлился на одно колено. Кабина была абсолютно пуста. Тускло горел еле-еле рассеивающий темноту неприятный для глаз желтоватый свет. Покрутив недоверчиво головой туда-обратно, Ворон встал и обтер испачканные руки о куртку. Хмыкнул в голос.

– Неужели код угадал? Нажал вообще-то три шестерки. Дьявольское число.

– Не думаю, – пролепетал Диггер. – Он шестизначный как минимум... Кто-то нам его открыл. Точно. Есть там кто-то внизу.

Колька вздрогнул. Потом подумал – запугивает парикмахер. Не хочет, падла, вниз ехать. Ворон, похоже, тоже не горел таким желанием. Но еще больше не хотелось ему сюрпризов во время боевой операции. Каких именно – даже, наверное, не думал. Просто сюрпризов. Командир мотнул головой повелительно: приглашение проследовать в лифт. Диггер, покосившись зло на дуло автомата Ворона, поплелся в полутемную кабину. Колька, оглядевшись как испуганный котенок по сторонам, юркнул следом. Ворон зашел последним, замер, не разворачиваясь спиной, на месте. Через пару секунд дверцы точно так же самопроизвольно затворились, вновь издевательски произведя тот самый непереносимый скрип. Раздался тяжелый глухой гул, словно где-то у них глубоко под ногами ожил от многолетнего сна громадный и сложный механизм. Кабина дрогнула и начала опускаться.

* * *

В лифте, видимо от переизбытка впечатлений и бедного кислородом воздуха, на Кольку вновь начал накатывать припадок. Им овладел кошмарный мираж: на самом деле они втроем уже как-то незаметно для самих себя умерли и теперь их спускают в ад, чтобы отдать в лапы прислужников сатаны – черные, немытые, с длинными и кривыми, как турецкие ятаганы, когтями. Черти представились Кольке так отчетливо, что он разглядел даже отблески адского пламени в белках их безумных, бесчеловечных глаз. Лифт замер на месте, и черти радостно загалдели, потирая волосатые лапки в предвкушении поживы. Из-за металлических дверей, что пока еще были закрыты, в самом деле донесся шум. Кольке почудились звуки низкого гортанного голоса и даже, кажется, пение. Как развеселились эти самые черти! Как хотят попробовать на вкус бедного худосочного Кольку! Только вот не учли они одного важного обстоятельства – хотя Колька и умер, на его плече странным образом еще продолжает висеть на ремне автомат АК-47. И сейчас, как только откроется дверь и нечисть хлынет внутрь сплошным черным

потоком, он вдохновенно нажмет на курок и дорого, очень дорого продаст им свою невинную душу...

Дверцы лифта нехотя отсоединились друг от друга, открывая взору адское подземное царство. От волнения и полутьмы очертания предметов плавались в глазах. Колька узрел в подвальном желтом свете лишь смутные темные фигуры, сгрудившиеся напротив. Отступив на шаг, в отчаянии оглянулся на Ворона. Лицо командира перекосила непонятная гримаса, но автомат его пока молчал. Вдруг какая-то мысль электрическим разрядом раскроила Колькину голову. Он еще раз протяжно втянул воздух носом и понял, что не ошибся. Пахло ладаном. Воспоминание об этом сладковатом, связанном с вечностью запахе радостно нахлынуло из глубин довоенной памяти. А заодно с ним и ясная, почти отлитая в металл идея. *В аду не может пахнуть ладаном.* Это так же верно, как и незабвенная теорема Пифагора про катеты и гипотенузу. Расставив все по местам, Колька немедленно прозрел. Осознал, как ужасно он заблуждался. Темные фигуры, принятые им за чертей, оказались на самом деле распеваящими молитвы священниками в черных рясах. Один из них, худой, похожий на фонарный столб, широко помахивал кадилом, от которого и растекался сладковатый, мутящий сознание запах. Кадило раскачивалось будто маятник, и Кольке, что не мог отвести от него глаз, даже казалось, будто он слышит глухой свист, с которым тот рассекает воздух. Тут пение начало вилять, спотыкаться и вскоре затихло само собой. Онемев, все глядели зачарованно на Кольку, который отчаянно, как последнюю соломинку, сжимал в руках свой автомат. Возможно, еще секунда – и вся делегация брызнула бы врассыпную. Страшно представить, каких бы дел могли натворить тогда онемевшие, напрягшиеся до белизны Колькины пальцы.

Спас ситуацию не потерявший самообладания Ворон. Прокашлявшись, сказал обыденно, как ни в чем не бывало:

– Ну здравствуйте, святые отцы! Как вы тут под землей поживаете?

– Господи, слава тебе, слаааааа, слаааааа тееебе! – облегченно грянул в ответ благодарственный молебен, вырвавшись залпом сразу из десятка глоток.

* * *

Офицерский ресторан в Кремле до рези в глазах слепил белизной отделки, навевая мысли о мертвых, заснеженных полях вокруг Москвы. Спину сразу обжег колючий, нервный озноб. Накатило что-то вроде клаустрофобии. Чувство, что живьем закатали в пластик. Наверное, все еще лихорадило после припадка на Тверской. Конечно же, никакой Мэри там не было. Он потерял сознание, упал и разбил нос. Пришел в себя через пару минут. Пока сидел, беспомощный, на вытягивающем тепло из тела асфальте, девушка в дубленке принесла ему из подвального борделя крепкого сладкого чаю в гнущемся пластиковом стакане. Проглотив чай торопливыми, перебивающими дыхание глотками, Голдстон встал, отряхнулся и, покачиваясь из стороны в сторону, поспешил убраться восвояси, пока кто-нибудь не вызвал военный патруль.

В ресторане его, обессиленного схваткой со Стеной, сразу взбодрили запахи. Пахло вкусно, хотя и просто – жареным луком и мясом. Зал встретил хоровым, довольным гулом насыщающихся людей. Его провели в отдельную комнатку, огороженную передвижной ширмой такого же, как и все вокруг, больнично-белого цвета. Он сел на холодящий через ткань брюк кожаный стул и замер в раздумье на минуту-другую. Потом выложил на стол куцее досье физика, один-единственный абзац, занимавший примерно четверть листка. Павел Быков родился в уральском городе Челябинске. После окончания МФТИ пять лет проработал в Институте ядерной физики в Новосибирске. Три раза приезжал в Европу на различные международные конференции. Полностью пропал из поля зрения почти двадцать лет назад. Вздохнув, Голдстон потер уже слегка колючую щеку, что обычно делал в минуты озадаченной задумчивости. По его скромному разумению, физик выглядел очень слабой зацепкой. Целых семь

часов, с момента, когда Кнелл впервые увидел фотографию со спутника и до его утреннего звонка Голдстону, дежурная команда аналитиков прогоняла через компьютер и сопоставляла друг с другом тысячи фактов из различных баз данных, пытаясь выстроить хоть какие-то связи. «Русский физик» даже не был одной из версий. Так, что-то сумасшедшее на десерт. Однако Кнелл рассудил по-своему.

Когда два офицера в черном ввели Быкова за ширму, Голдстон на секунду подвис. Физики в его понимании выглядели иначе, живенькими и юркими как элементарные частицы. Напротив, стоявший перед ним человек, казалось, давным-давно постиг все земные истины и теперь рассеянно наблюдает за теми, кто муравьями суетится у него под ногами. Излучателем этого благожелательного безразличия ко всему вокруг являлась огромная, скудно прикрытая редкими светлыми волосами голова. Голова явно имела свою, особую ценность по отношению к остальному телу. Все находившееся ниже шеи воспринималось как обслуживающий ее второстепенный придаток. Лоб казался бесконечно высоким, во многом из-за лысины, с которой незаметно сливался на выпуклом черепе. Где-то у самого основания лба, под белесыми бровями затаились серо-голубые глаза с едва уловимой жесткой примесью. Фокус с ходячей головой получался еще и от того, что физик был среднего роста, хотя и весьма плотной комплекции. Его широкую фигуру обтягивал старенький свитер салатного цвета со смешными синими оленями, которые везли сани Санта-Клауса.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал по-русски Голдстон, пытаясь услышать собственный акцент.

Физик молча, не отводя взгляда, приземлился напротив. Задел коленом стол так, что тот зашатался. Кажется, совсем не удивился русской речи.

– Меня зовут Джон Голдстон. Моя специализация – поиск талантливых ученых для европейских исследовательских центров. Ваше дело попало к нам, и мы заинтересовались им. Поболтаем немного? Ну и пообедаем заодно... Надеюсь, от вина тоже не откажетесь?

Голова – как он назвал про себя Быкова – на секунду вышла из статичного состояния. Глаза сфокусировались на быстро заполняющей бокал бледно-рубиновой жидкости. Не ответив, физик взял его и сделал пару объемных, торопливых глотков.

– Урожай седьмого года, – Голдстон мечтательно вздохнул, рассматривая этикетку на бутылке. – Пожалуй, последний хороший год. А потом словно что-то сломалось. Кризисы, войны, эпидемии. Просто идеальный шторм какой-то...

Пока он прикидывал, как повернуть разговор куда надо, физик сам сделал первый ход.

– Про седьмой год не согласен. Сломалось уже довольно давно. Просто, наконец, дошло до предела.

Голдстон переставил ногу – под подошвой ботинка что-то хрустнуло, наверное кусок стекла.

– Давно?

Обведя стол прежним отсутствующим взглядом, Быков кивнул. Начал говорить – так, словно дискутировал сам с собой.

– Этот вопрос до сих пор задают себе миллионы людей. Почему все так легко рухнуло? Суперсложная глобальная система, которой вроде бы жить да жить... В тюрьме мне давали газеты. Поразительно, но все еще спорят об экономике. Мол, надо было здесь подкрутить, тут подклеить – и работало бы дальше. Но экономика – это ерунда. Сломался сам человек.

Голдстон откинулся на спинку стула.

– Сломался? Как это?

– После долгой и опасной болезни. Что-то вроде серьезного расстройства психики, поразившего огромные массы людей.

– Вы о депрессии?

– Депрессия – лишь один из симптомов. Сама же болезнь... Давайте назовем ее *раскол*. Человек лишился собственной природы, раскололся пополам. И добровольно отказался от одной своей половины. Вообще об этом много чего написано... Вы читали, например, Юнга?

Голдстон сделал пару быстрых, ненужных глотков. Дорогое вино показалось неожиданно кислым.

– Читал. Правда, главным образом, о символике сновидений.

Принесли суп-пюре из шпината и свежеспеченный белый хлеб, нарезанный толстыми, пухлыми ломтями. Быков, втянув ноздрями горячий, поджаренный запах, взял себе сразу два куска. Подумав немного, вернул один обратно.

– Нет, я про личное и коллективное в человеке. Наш собственный опыт и сидящий у нас в подсознании опыт миллионов лет земной жизни, наследуемый генетически или как-то там еще. Вроде бы чудовищное противоречие, из которого, тем не менее, вырастает сама человеческая природа. Сначала желание обособиться, выпятить себя – и тут же тяга слиться с чем-то бóльшим, стать его частью... Можно сказать, история человечества – это непрерывный поиск нужного баланса между «я» и «мы». В какой пропорции их смешать, чтобы воцарилось всеобщее счастье? Последние лет триста, безусловно, были эпохой «я». Чем больше «я», тем лучше! Настоящая революция, если вдуматься! До того ценность человеческая определялась родом занятий, вкладом в общий труд. Важно, не кто ты внутри, а чем занимаешься. Крестьянин, стражник, подмастерье... И вдруг человек превращается в существо вообще с другой начинкой. В личность! Что-то ценное, напротив, именно своей отдельностью и непохожестью. Как следствие, невероятный толчок креативности везде где только можно, перевернувший всю нашу жизнь! А потом... Потом начались побочные эффекты, потому что не удалось вовремя остановиться, найти ту самую точку равновесия. Человек так зациклился на себе, на малейших оттенках своего «я», что совсем упустил из виду «мы»... Вебер¹³, конечно, был прав, когда писал, что люди не способны развиваться как вид не выделившись из общего. Но мог ли он себе представить, что человеческая индивидуальность станет проблемой, к примеру, для создания семьи? Знаете, какой забавный термин придумали в начале века по этому поводу в Швеции? «Семья, состоящая из одного человека». И на такие семьи приходилось больше половины населения!

Голдстон, хотя и чувствовал уже довольно давно призывный запах супа, никак не мог оторваться взглядом от физика.

– То есть в нас осталось так мало «мы», что мир взял да и рассыпался? Все так просто?

– Именно. Наш современник – «я» почти в чистом виде. Отдельный, независимый атом. Продукт повседневного опыта: дом, офис, знакомые, семья... Да, социальные, экономические связи сложны и многочисленны, но не способны компенсировать глубинные потребности человеческой психики. «Мы», которое нам нужно, не просто семья, друзья, фанаты любимой команды. Если вернуться к Юнгу, он, собственно, дальновидно предсказывал социальные потрясения по причине коллективных проблем с психикой. Винил же во всем Реформацию и последующий упадок религии. Считал, что религиозные обряды и праздники, воздействуя на подсознание, давали людской массе ощущение «мы», так сказать, нужного масштаба. Человек в церкви – не песчинка, не секунда в истории. Вместе с Богом, вместе с другими людьми он ее важный творец, направляющий ход событий от Адама к Апокалипсису...

Кажется, был внешний толчок. Пойманное краем глаза неуклюжее движение официанта или звук в зале, вырвавшийся из общего пчелиного гула. В голове у Голдстона лампочкой зажглась мысль: над столиком витает нечто крайне важное и физик вот-вот как фокусник вытянет это из воздуха. Быков, правда, напротив, замолчал, упершись взглядом в раскинувшиеся

---

¹³ Макс Вебер (1864–1920) – немецкий социолог и политэкономист. В отличие от Карла Маркса позитивно оценивал роль капитализма, который, по его мнению, возник благодаря протестантской этике.

по тарелке полупрозрачные лепестки окорока. Голдстона от этого молчания охватила необъяснимая паника. Он торопливо выпалил первое, что пришло в голову:

– Разве Лютер¹⁴ был атеистом? Разве не выступал только против продажи индульгенций и прочей... балаганщины?

Физик, вздрогнув, ожил. Вспомнил о разговоре.

– Конечно же, Лютер не был атеистом. Главный тезис его учения – прямой диалог Бога и человека, не замутненный посредничеством церковнослужителей. Напротив, он хотел приблизить человека к Богу, чтобы лучше слышать и понимать Творца. Как и большинство гуманистов той великой эпохи, к которым Лютер, безусловно принадлежал. Таким путем они мечтали создать «людей нового типа» – образованных, добродетельных и свободных.

– Что же пошло не так?

– Я думаю, что все дело в тайне.

Физик неожиданно с ухмылкой подмигнул ему. Кажется, он быстро пьянел.

– Да, именно в *тайне*. Понимаете, церковь разными способами создавала реальность, которую нельзя было понять – только *воспроизвести в себе*, став ее частью. Но все эти величественные соборы и торжественные многотысячные процессии воспринимались протестантами лишь как дань тщеславию церковников. В общем-то они, наверное, правильно понимали, что Богу не нужны подобные знаки внимания. Но заблуждались в том, что это не нужно человеку, чтобы встретиться с Богом. Без тайны, без священного религия обмелела, стала частью повседневного опыта какого-нибудь немецкого торговца свининой. Немудрено, что Бог, превратившись в абстракцию, вскоре испарился из придуманной Лютером схемы. Осталось только пресловутое служение¹⁵, примерный труд и, как награда свыше, рост богатства, признание в обществе. Отсюда и народился капитализм, что быстро и агрессивно, как сорняк, подчинил себе всю планету. На самом деле побочный эффект попытки гуманистов Возрождения создать более совершенного человека. Теперь же саму эту идею лукаво подменили идеей постоянного роста благосостояния, научно-технического прогресса и так далее. Но есть ли прямая связь между улучшением человека и, например, научно-техническим прогрессом? Нацистская Германия, самое чудовищное государство в истории с точки зрения человечности, было притом и самым передовым в техническом отношении...

Голдстон внезапно почувствовал раздражение. Нить разговора ускользнула у него из рук и теперь ее крепко держал физик. Над ним же словно прохудился потолок. Он съежился, вжал голову в плечи, пытаясь увернуться от потока непривычных слов, уносящих его за горизонт понятного и контролируемого. Но они все текли и текли, затопляя с головой, мешая думать и даже дышать. В конце концов, он перестал сопротивляться и пустым чемоданом безвольно поплыл по течению извилистой, но широкой мысли Быкова.

– Образно выражаясь, человек измельчал. Да, он стал более гуманным, креативным и хорошо пахнущим... Но он страшно измельчал! Между тем, поверьте, масштаб – крайне важное измерение для человеческого существа... Правда, капитализму как раз и нужен был такой мелкий человек. Человек-запчасть, встроенный в систему, единственной задачей которой является бесконечное увеличение капитала. Но капитализм сам в конце концов угодил в эту ловушку и накрылся медным тазом. Мелкий человек не способен воспринять большой идеи. А без того вы никогда не выведете человечество на следующий уровень...

– Большие идеи? – тихо переспросил оглушенный Голдстон, вспоминая речи Кнелла. – Что вы имеете в виду? Конкуренцию разных социальных моделей?

¹⁴ Мартин Лютер (1483–1546) – немецкий богослов, инициатор Реформации.

¹⁵ Имеется в виду ключевое положение концепции Лютера о «призвании». Согласно ей Бог предназначает людей к тому или иному виду деятельности и через мирской труд также можно достичь высшей благодати.

– У человечества, если честно, может быть только одна идея. Развитие человека, того потенциала, который в него запрятали. Все, что помогает этому – благо, мешает – зло. Большие идеи дают образ будущего, где наши потомки на голову, может, на десять голов выше нас. Более совершенный, добродетельный, эффективный человек – вот цель, вокруг которой должна строиться вся наша жизнь. Только такие, уходящие в будущее идеи способны преобразовать мир...

– Вы про христианство?

– Или про коммунизм, который хотел создать «нового человека» и «светлое будущее»... Знаю, знаю. В религиозных войнах и коммунистических чистках погибли десятки миллионов людей. Не буду отрицать. Но, тем не менее, обе эти идеи парадоксальным образом гуманизировали мир, задав ему новую планку.

– Значит, вопрос цены не имеет значения? Цель и в самом деле оправдывает средства?

С минуту Голдстон наблюдал за тем, как крупные, лопатообразные ладони Быкова ловко управляют с суповой ложкой, и та серебристой молнией буквально мелькает в воздухе. После заданного вопроса ложка замерла на мгновение, потом скребущие движения возобновились с прежней интенсивностью. Потом физик все-таки ответил, пусть и неохотно. Словно не был уверен, что его поймут.

– Исходя из горизонта одной человеческой жизни мы вряд ли узнаем, какова эта цена – и вообще что была за сделка. Может, происходящее сегодня обретет смысл только лет через двести? Большое заблуждение полагать, что главной заботой истории является максимально сытое и продолжительное существование каждого из нас. Я вижу историю как движение усредненного человека от животного к человеческому – или в обратном направлении. Если человечество не развивается, оно деградирует. Что, собственно, и произошло.

Голдстону представилась популярная картинка-клише – эволюция от стоящей на четвереньках обезьяны до распрямившегося гоминоида. Только сейчас место обезьяны занял обыватель с гамбургером и бутылкой кока-колы, а гоминоида подменил одухотворенный трудящийся с книгой и телескопом под мышкой, сбегавший сюда с плакатов советской эпохи.

– Не хотите сначала спросить у людей, чего они хотят? Страдать ради чьего-то будущего или спокойно жить в сытости?

Быков опять ответил не сразу. Отхлебнул еще вина, аккуратно вытер куском хлеба тарелку из-под супа. Потом неожиданно поднял голову и воткнулся в Голдстона колючим взглядом.

– Представьте – вы живая клетка. Одна из миллиардов клеток огромного организма. И вот, вы ставите этому организму ультиматум – мне до тебя нет никакого дела, хочу жить сама по себе. Что с вами произойдет? То-то же! Человечество, нравится это нам или нет, существует только как единое целое. Как общее движение в неизвестность. Ошибки, потрясения, разочарования неизбежны. Любая обращенная в будущее идея на порядок шире и выше среднего человека своей эпохи. Отсюда все издержки.

Голдстона внезапно больно полоснуло по коже чувство собственной ущербности. При всем желании он не мог сейчас встать на то место, откуда величаво обозревал мироздание Быков, и глянуть вокруг его глазами. Даже затем, чтобы сказать – полная чушь, нет здесь ничего. Первой, естественной реакцией была ирония над наивностью услышанных от захмелевшего физика рассуждений. Утопичность будущего, где морально чистые интеллектуалы будут заниматься саморазвитием, забыв о стремлении к доминированию, богатству, разврату, безделью, была очевидной. Однако тут же пришла другая мысль: в тот грязный, неприглядный тупик, где сейчас упокоилось человечество, его привели, возможно, именно эти дорожные указатели.

– Капитализм попытался сделать из человека деталь, обладающую нужными качествами и исправно работающую в определенном месте огромной системы. Это вовсе не экономическая

эксплуатация, как считал Маркс. Это эксплуатация самой человеческой сущности, рассчитанной на совсем иной масштаб... Но человек – не деталь. Насилие над его природой ведет к массовым психическим расстройствам. Одиночество и страх, ничем не выводимый ужас смерти. Западная культура была одержима предчувствием Апокалипсиса последние лет сто точно... Видели Стену? Как думаете, зачем здесь, в мертвом городе, выстроили такую махину? Это памятник бесчисленным страхам одинокого, маленького человека...

Похоронно звякнув, с полом встретилась отпущенная пальцами вилка. Голдстон проводил ее непонимающим взглядом. Мир Быкова, только что казавшийся бессмысленным нагромождением терминов, вдруг придавил реальной тяжестью. Совпадение их ощущений не просто поразило. Оно звучало как доказательство всему, что Быков сказал до того.

– Стена... – пробормотал Голдстон. – Почему же именно *стена*?

– Символ, который дает ощущение контроля. Победы над хаосом, в который погрузилось человечество, распавшееся на миллиарды замкнутых в себе эгоистов.

Сглотнув, Голдстон аккуратнo, чтобы не растревожить, нащупал внутри себя давно живущее с ним послевкусие от ночных кошмаров.

– Вы говорили про страх. В чем его непосредственная причина?

Прищурившись, физик обшарил его глазами.

– Вы чего-то боитесь? У вас проблемы с психикой?

Спазм паники. И одновременно облегчение. Как будто нашел врача, способного поставить правильный диагноз – а, значит, и вылечить.

– Я... я тоже размышлял о Стене. Что это нечто большее, чем просто военное сооружение.

Быков вяло кивнул своей монументальной головой. Кажется, впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

– Проблема человека в том, что границы, в которых он способен познавать мир, несравненно шире тех границ, где он может на этот мир воздействовать. Задумайтесь – мы исследуем галактики, добираться до которых даже со скоростью света понадобилось бы миллионы лет. Эта диспропорция между нашим физическим ничтожеством и способностью осмыслить реальность во вселенских масштабах есть у каждого. Если ее не компенсировать – религией, философией, чем-то еще, дающим хоть какое-то объяснение, – то рано или поздно она вызовет серьезные психические сдвиги. Правда, когда человек встроен в стабильно работающую систему, эти позывы слабы и невняты. Есть ощущение осмысленности того, что он делает изо дня в день. Тоже, если хотите, Стена... Когда же все рухнуло, наш с вами современник, вылипший из привычного обывательского мирка как из яйца, встретился, извините за пафос, лицом к лицу со всей непостижимостью Вселенной. Как тут не ужаснуться?.. У вас есть ручка? Сейчас попробую наглядно...

Расправив пухлыми пальцами салфетку, физик нарисовал на ней корявый круг, затем вписал в него квадрат, а в центре, проткнув бумагу насквозь, поставил жирную точку.

– Круг – это Вселенная, точка – то, как ощущаете себя вы, квадрат – Стена в нашем подсознании. Вроде бы защита, но на самом деле клетка, в которую человек сам, по собственной воле, себя загнал и оттого же страдает... В идеале точка и круг должны совпадать. Но квадрат не дает точке стать кругом.

Прибытие главного блюда, жареного барашка по-албански, они встретили в полном молчании. Только когда Быков уже почти разобрался с барашком, оглушенный беседой Голдстон вспомнил наконец о поручении Кнелла.

– Ваши мысли весьма... заняты... Наверняка есть и... конкретные идеи, как вывести человечество из нынешнего тупика?

Рука физика, державшая вилку, замерла в воздухе на полпути к уже приоткрытому рту. Положив через пару секунд вилку обратно на тарелку, Быков с какой-то медицинской тщательностью вытер салфеткой чистые губы. Спросил отстраненно:

– Не знаете, случайно, что на десерт?

Больше разговор у них так и не заладился.

* * *

Странная беседа с физиком сильно наследила внутри у Голдстона, оставив длинный шлейф ощущений. Он чувствовал себя емкостью с водой, куда на ночь щедро засыпали дрожжей. Теперь в емкости булькало, шипело и бурно делилось без его ведома нечто живое и загадочное. А еще появилась боль. Там, где сегодня проткнула тело воображаемая рука Мэри. Подумалось что-то дикое.

«Уж не шрам ли это? Место, где нас, по словам физика, разделили надвое?»

Голдстон, сидя на кровати медленно, почти со страхом, расстегнул пуговицу, залез пальцами в образовавшуюся прореху. Осторожно дотронулся до кожи. Тело ответило ноющим, идущим из глубины раздражением. Пальцы, слегка пританцовывая, прошли туда-обратно, пытаясь обнаружить малейшую неровность. Нет, ничем не поврежденная, гладкая кожа. Никакого шрама или рубца. Он заставил себя иронично ухмыльнуться. Но легче не стало. Напротив, вспомнился единственный, стыдливый, год или около того назад, визит к психиатру.

– Повторяющиеся сны – часто симптом того, что подсознание требует разрешить проблему в реальной жизни.

– Что-то связанное с сексом?

– Теории, что подсознание – лишь психический отстойник, куда вытесняются табуированные желания, уже не в тренде. Скорее это центр накопления информации.

– Какой именно?

– Абсолютно всей, которую мы так или иначе получаем из внешней среды. Похоже на универсальное записывающее устройство. Сервер, соединенный с операционной программой-сознанием. Информация хранится там и используется по мере надобности. Задача сознания – запрашивать нужную информацию в нужный момент.

– А кошмары?

– Страх играет ту же роль, что и боль в организме. Симптом проблемы. Сигнал о том, что подгрузка с сервера не работает. Что-то мешает соединению.

Сегодня, похоже, ему рассказали что именно. Философский треп захмелевшего физика звучал сейчас в ушах как медицинский диагноз. «Синдром Стены» один в один напоминает симптомы измышленного Быковым массового психического заболевания, из-за которого якобы и рухнул весь миропорядок. Здесь, в Москве, он проявляется ярче и чаще оттого, что раскол внутренний вступает в резонанс с расколом внешним. Куда ни пойдешь, повсюду тридцатиметровая бетонная стена. А за ней – терра инкогнита, штриховка на карте... Галлюцинации в госпитале, вдруг осенило Голдстона, пыльный, тоскливый город за циклопической стеной. Это же мое подсознание!

Окатило ознобом. Он дернул руку из-под рубашки – так резко, что оторвал пуговицу. Та отстучала длинную дробь по полу и, наконец, затихла под книжным шкафом. Голдстон даже не проводил ее взглядом. Если физик прав, исцелиться от кошмаров проще простого. Нужно вернуться в этот город за Стеной и найти из него выход.

* * *

В жизни Голдстона был короткий, но хорошо запомнившийся период, месяцев пять или шесть, на которые он с головой занырнул в природу снов, управление подсознанием, астральность и прочую эзотерическую дребедень. Случилось это так. Когда он понял, что кошмары повторяются, началась паника. Но идти к психиатру означало признать себя ненормальным. Кроме того, он опасался, что информация утечет в министерство. Потому-то в один прекрасный день обложился пособиями по «тайным методикам» и занялся «самонастройкой». *Выход в подсознание* был любимым коньком разнообразных гуру в области медитации. Тогда особой пользы эти духовные опыты не принесли, кошмары не прекратились, но сейчас у него имелось наготове сразу несколько рецептов, как же следует поступить. Например, лечь на спину, глубоко дышать и вспоминать при том яркие моменты своей жизни (кажется, так в книгах обычно описывают смерть, подумал Голдстон). Или вот – опять же, лечь, расслабиться, представить себя со стороны – увидеть в деталях каждую часть тела, затем будто слепить его заново из кусков и установить в абстрактной пустоте. Вообразить тропинку, шоссе, любой путь и создать на нем далекий ориентир. Дерево, церковь, гору. После чего двигаться к ориентиру, не отвлекаясь ни на что другое... Голдстон в самом деле лег на кровать – сначала словно Христос, раскинув руки в стороны. Затем, подумав, плотно прижал их к бокам, как прыгун в воду на краю доски. Начал медленно, размеренно дышать, стараясь вытолкнуть из себя с каждым выдохом все повседневное. Вспомнилась фраза из книжки по медитации: «научитесь слышать через музыку в наушниках пение далеких птиц». Но с птицами получалось не очень. Наверху кто-то расхаживал по комнате туда-сюда будто в тюремной камере. За окном над Кремлем прострекотал вертолет. Потом по коридору уборщик с грохотом провез тележку. Голдстон выругался, приложившись с досады кулаком по кровати. И сразу же понял, как надо поступить. К черту пение птиц! К черту шум моря и махи огромного космического маятника. Нужна Стена! Образ, однажды сам всплывший «Титаником» из темных бездн его подсознания. Станный, необъяснимый ужас, который она внушает, быстро пропитывает насквозь тело и затем утаскивает его, отяжелевшее и безвольное, в эти пространственно-временные норы... Он начал дозированно, в режиме замедленной черно-белой съемки, вспоминать сегодняшнюю встречу со Стеной. Отдельные кадры, один за другим. Красная площадь. Советский герб над входом в здание телеграфа. Зеркальная витрина кафе «Елисейские поля», отразившая его прямую, худую фигуру. Бледное, нерадостное лицо курящей девушки у входа в нелегальный бордель... Помогло и выпитое за обедом с физиком вино. Минут через десять Голдстон в самом деле *соскользнул* – может быть в сон, может, в собственное подсознание, пойманное в ловушку психоделическими трюками.

Нельзя утверждать, что это был тот же самый город и та же самая комната. Но была комната с крохотным, мутным оконцем, а еще прежнее предчувствие – вот-вот за ним придут. «Перестань дергаться, – сразу приказал себе Голдстон. – Это не сон. Если сам не захочешь, никто не придет». Придушив панику, он осмотрелся. Глинобитные серые стены без единого украшения, точно такой же пол с парой оборванных, бесформенных циновок. Узкая кровать с матрасом, больше похожим на простыню. Стол оказался здесь единственным предметом, представлявшим хоть какую-то ценность. Мощный, крепкий, похожий на толстоногого слона, что возвышается над голой саванной. На столе лежала какая-то бумага. Голдстон подошел и взял ее в руки. Записка. Всего два слова: «Ищи рыжего». Похоже, собственное подсознание оставило ему подсказку. Напоминает о том, что он и сам когда-то знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.